

Владимир Бартенев

СКАЗАНИЕ О МИХАИЛЕ ЮРЬЕВИЧЕ и О ТЕХ, КТО БЫЛ ВОКРУГ ДА ОКОЛО

Барнаул
2011

Владимир Баргенов

**СКАЗАНИЕ
О МИХАИЛЕ ЮРЬЕВИЧЕ
И О ТЕХ, КТО БЫЛ
ВОКРУГ ДА ОКОЛО**

Барнаул
2011

ББК 75.81
В62

- В62 Бартенев Владимир Павлович
**Сказание о Михаиле Юрьевиче и о тех, кто был во-
круг да около** / Владимир Бартенев. – Барнаул: Юж-
ный клуб каякеров, 2011.

*«Сказание о Михаиле Юрьевиче и о тех, кто был во-
круг да около» это эпическое повествование о том, как
развивался водный туризм в городе Барнауле. В основе
его лежат некоторые события из жизни легендарного
первопроходца сложнейших водных маршрутов заслу-
женного мастера спорта М.Ю. Колчевникова, с име-
нем которого связаны наивысшие достижения наших
туристов-водников последней трети XX века и их вы-
ход в мировую элиту «рыцарей белой воды».*

*Совсем ненравоучительная история туристской
деятельности Михаила Юрьевича и его товарищей на-
писана авором как для ветеранов - очевидцев и участ-
ников тех событий, так и для молодых сплавщиков,
чтобы на примерах из прошлого лучше понимали на-
стоящее и представляли будущее.*

Вместо предисловия

Сегодня «Чуя-ралли» медленно, но верно превращается в историческое явление, порожденное вольным духом Миши Колчевникова. Теперь молодежь потеет на быстрых водах майской Чуи, выгребая веслами, усевшись на упругих боках иностранного рафта.

Колчевников, зная хорошо тенденции развития соревнований на «белой воде» во всем мире и будучи лично знаком с корифеями этого спорта, предрекал перерождение некогда популярного и любимого (в те годы было принято говорить «горячо любимого») многими водниками соревнования «Чуя-ралли» в спортивное мероприятие рафтеров.

Тем более приятно, пользуясь случаем, поведать о том, когда на берегу Чуи, возможно, в первый раз прозвучало это словосочетание - «Чуя-ралли».

В последние дни апреля 1974 года наша команда из семи человек прибыла на берег Чуи. В нее входили учащиеся первых курсов водников, организованных Мишей Колчевниковым в Барнаулском клубе туристов, его друг из Томска Юра Орлов и две Светы с метеостанции, одна из которых была женой нашего командора.

Опыта у команды было маловато для сплава по такой реке. Водя, Слава и другая Света вообще были первый раз на реке. Из новичков у меня был самый солидный опыт на воде – сплав на деревянном плоту весной прошлого года по Рассыпной и Аламбаю, едва не закончившийся переворотом у села Горюново.

Миша подбадривал нас, а заодно и себя тем, что должен подъехать, пока строим плот, еще один его друг - Серега Потанин. А уж с ним то мы в любом пороге...

Наши палатки стояли на берегу, и их не было видно за лесом с Чуйского тракта. Поэтому на обочине дороги на куске картона нарисовали знак, по которому Серёга мог бы понять, что мы здесь. Но он так и не появился. В последний вечер перед отплытием, когда плот уже был почти готов, у костра Слава пошутил:

- Хоть бы глазком поглядеть, что это за Потанин. Может быть, он сегодня ночью придет, как «черный альпинист».

Кто-то вторил:

- Почему альпинист? Водник, голубой водник.

С тех пор каждый вечер у костра или когда что-то неожиданно пропадало, мы вспоминали «голубого водника». Надо сказать, что в те далекие времена нашей советской счастливой молодости голубой цвет воспринимался без всякого двойного смысла, который принесла нам реальность сегодняшнего капитализма.

Пройдя первые порожки, мы поняли, как это страшно и страшно здорово. А впереди был «Буревестник»! Миша решил не рисковать с такой командой и, прижимаясь ближе к левому берегу, чтобы обойти самую «бучу», не смог совладать с бестолковой оравой, стремящейся использовать рукоятки гребей не столько для того, чтобы грести, сколько чтобы просто вцепившись в них обеими руками, удерживать равновесие.

В результате наш плот на зилловских камерах сел на большой полуобливной камень в нескольких метрах от берега. Сели крепко. Никакие подпрыгивания и переходы всей командой на край плота не помогали. Глубина реки и быстрое течение не позволяли даже и думать, чтобы перебраться на берег.

Река навалилась на застрявший плот и так шумела, что можно было только кричать.

- Придется делать «оплеуху», - «прошептал» Колчевников. Это мог услышать только я, поскольку стоял рядом с ним на задней гребни. А потом крикнул Юре, стоявшему загребным на передней гребни:
- Отвязывай запасную гребь!

Но отвязывать ничего не пришлось, поскольку, о чудо, все увидели, что в порог входил еще один плот.

Мы не сомневались, что наша «посудина» была единственной на реке. Однако тремя километрами выше нас построила свой плот томская команда, в которой были друзья Колчевникова и Орлова. Они причалили за порогом и с помощью веревок сдернули наш плот с позорного причала.

Так мы и не отведали «оплеухи», хотя знали об этом приеме старых сибирских плотогонов из лекций М.Ю. Колчевникова.

Сережа Чесноков и Валера Колпаков, верховодившие в томской группе, а также наши Миша и Юра дали волю своей фантазии в разговорах у вечернего костра. Дальше всех зашел Колчевников. Он говорил о том, что неплохо было бы организовать соревнования на Чуе для всех плотовиков (тогда катамаранов, представьте себе, еще не было). Чтобы каждый год в начале мая сюда приезжали команды из Сибири, да что там из Сибири! Со всего СССР, поддакивали ему ребята. Чтобы здесь устанавливалась трасса над рекой с вешками ворот, а на берегах судьи оценивали бы чистоту прохождения этих препятствий.

Тогда, когда на всей рек, кроме наших плотов, никого больше не было, каждый из говоривших и слушавших ребят относились к этому как к забавной фантазии. У костра было шумно и весело. И я хорошо помню, как Сергей Чесноков, ставший впоследствии одним из столпов томского водного туризма, со свойственной только его лицу ухмылкой произнес:

- И назовем эти соревнования «Чуя-ралли».

Хорошо помню, как я подумал про себя: «Какое-то дурацкое название. При чем здесь река и ралли, которое предполагает соревнование на колесах? А, наверно, потому, что плоты наши строились на автомобильных камерах». Но я был неопытен и задавать глупых вопросов не стал, а просто сидел и слушал вместе с другими новобранцами разговор водного братства, в которое нам еще только предстояло вступить.

*Кандидат географических наук
С.В. Харламов.*

*Поплачь о нём, пока он живой.
Люби его таким, какой он есть.*

«Чайф»

Пролог. Планета обезьян

Наверное, это было весеннее субботнее утро какого-нибудь 1989 года. Накануне к Михаилу Юрьевичу приехал наш алтайский партнёр – Серёжа Майманов. Они всю ночь обсуждали предстоящий сезон на реках Алтая, и, естественно, к утру у них кончилась водка. Как обычно, в такой драматичный для советского туризма момент, Михаил Юрьевич вспомнил обо мне, точнее, о моей маме. Моя старенькая мама водку не пила, а копила на похороны. В то время так делали многие пожилые люди. Тогда основные продукты продавали по талонам. Каждому советскому человеку выдавали талоны на один-два килограмма сахара, крупы, масла и т. д. На такой же талон можно было купить две бутылки водки в месяц. Правительство, заботясь о здоровом образе жизни советского человека, запретило отovarивать водочные талоны в выходные дни.

Что характерно, советский человек, ведя трезвый образ жизни, мог скрупулёзно выполнять предписанные ему трудовые и общественные обязанности, но, не выпив водки, как правило, не мог раскрепостить свой ум для творческой работы. Наверное, он инстинктивно ждал руководящих указаний свыше.

Конечно, легендарные прародители коммерческого туризма на Алтае - Михаил Колчевников и Сергей Майманов – не желали ждать указаний от вышестоящих инстанций, и, когда творческий процесс начал давать сбои, они позвонили мне.

Ни о какой водке в телефонном разговоре не было сказано ни одного слова. Мои друзья хотят видеть меня в 8 часов субботнего утра. Бывало, они хотели видеть и в 3 утра, и в 2 ночи. Иногда они даже могли заявиться сами, причём не одни, а со своими друзьями и подружками. Всех надо было чем-то кормить, поить, потом где-то спать положить.

Вот такие чудные существа обитали на той части нашей планеты, на которой я родился и жил в то время. В обычаях этого - почти исчезнувшего - подвида «*homo sapiens*» было приносить с собой в гости еду и выпивку, особенно ночью, когда магазины не работали (разве что буфет в аэропорту или на вокзале).

В то чудесное весеннее утро водки у меня не было. Но у меня была моя чудесная мама, которая хотя и ворчала на меня и моих друзей-пьяниц, но понимала, что от неё зависит будущее самой перспективной отрасли экономики Южной Сибири.

И вскоре я оказался на квартире Михаила Юрьевича - в самом центре творческого процесса создания того, что позднее назовут бизнеспланом туристической фирмы. Однако уставшие за ночь бизнесмены, выпив по стопке, уснули прямо за столом своих заседаний.

Оставшись наедине с почти полной бутылкой водки, я начал озираться по сторонам и вскоре обнаружил, что телевизор подключен к тогда ещё редкому в наших краях видеомагнитофону и транслирует американский видеофильм.

По сюжету – некий астронавт попадает в будущее, когда люди окончательно одичали и забыли, какими были «человеками разумными» их прародители. Этим воспользовались обезьяны. Они сильно поумнели в процессе своей эволюции и превратили планету землян в планету обезьян.

Только оказавшись в сегодняшнем будущем, я понял, что видел тогда аллегорическую притчу о себе. Нет уже ни Миши Колчевникова, ни Серёжи Майманова, ни многих других людей разумных, создавших в конце II тысячелетия нашей эры цивилизацию южно-сибирских туристов. И решил я выбить на остатках её культурного слоя петроглифы с их именами и деяниями, чтобы помнили грядущие поколения титанов, с чьих плеч они так далеко видят.

Глава 1. Далёкая прародина

Одним из центров цивилизации южносибирских туристов в шестидесятые годы XX века был город Томск. В прославленные вузы этого города съезжались тогда учиться талантливые выпускники школ со всей России.

Среди них оказались золотой медалист Миша и серебряная медалистка Света из Бийска – будущие супруги Колчевниковы. Уже не узнать, были бы они мастерами спорта по туризму, если бы Миша не поселился в общежитие с сыном генерала из Забайкальского военного округа. Сыном генерала пригласил новых друзей – Серёгу Потанина и Мишку Колчевникова – погостить у него дома на летних каникулах.

Прожив несколько дней в Чите, студенты заскучали и решили сходить на Байкал – порыбачить на омуля. Померив линейкой на карте расстояние от Читы до реки Баргузин, они подумали, что такие молодые и здоровые хлопцы дойдут за неделю.

В те годы происки китайских ревизионистов вынуждали командный состав Забайкальского военного округа пребывать в состоянии постоянной боевой готовности. Поэтому папа–генерал долго не мог улупить момент между провокациями хунвейбинов, чтобы повидать сына.

Генерал Крылов! Ему обязаны многие алтайские водники, что их жизнь сложилась так, а не иначе. Узнав от обеспокоенной жены, что сын с друзьями, забрав 10 банок тушенки, 20 банок сгущёнки, 5 килограммов пшёнки, последнюю пачку индийского чаю и его любимый спиннинг, месяц назад ушли в турпоход на Байкал, он силами вверенного ему военного округа развернул войсковую операцию по поиску пропавшей экспедиции.

Была задействована военная авиация. Целая эскадрилья самолётов–разведчиков и боевых вертолётчиков барражировала воздушное пространство Баргузинского государственного заповедника. С советско-китайской границы были командированы лучшие поисковые собаки и самые толковые пограничники. Все имели опыт поимки китайских диверсантов. Гвардейская пехотная дивизия, построившись в одну шеренгу, прочесывала тайгу между Читой и Байкалом. На правом фланге маршировал духовой оркестр Читинского гарнизона, а на левом – Краснознамённый ансамбль песни и пляски округа. Их боевой задачей было днём и ночью оглашать окрестности громкой полковой музыкой, чтобы студенты могли услышать шум, если шеренга проскочит мимо. Так, с маршами и песнями, шеренга проследовала через Баргузинский государствен-

ный заповедник, гоня перед собой стада оленей, медведей и беглых эзков.

Миша не любил вспоминать эту историю. Охотнее он рассказывал о похожем случае с московскими студентами, встреченными им через несколько лет в нижнем ущелье Башкауса. Они также решили провести каникулы в путешествиях по Сибири, приехали на Телецкое озеро, через неделю заскучали, померили линейкой на карте расстояние до Усть-Улагана и пошли пешком вверх по Башкаусу.

Группа Колчевникова встретила их во время наведения, наверное, уже тысячной переправы через реку перед очередной отвесной скалой, уходящей из бурных вод в далёкое небо. По измождённым лицам студентов невозможно было определить, кто из них мужчины, а кто - женщины. Одежду они давно изодрали, палатку утопили, спички промочили, топор потеряли; питались насекомыми, корешками и ботвой сомнительных растений.

Миша сразу проникся сочувствием и после долгих споров с завхозом подарил им несколько банок консервов «Завтрак туриста», сухари и двух пойманных утром хариусов. А самому наименее измождённому студенту, по ошибке принятому за мужика, Колчевников отдал даже несколько драгоценных окурков из своей личной коллекции и посоветовал подниматься по ближайшему притоку на плато и по тропам скотоводов выходить в долину Чулышмана.

Потом прошедшие через «страшные жернова Башкауса» водники испуганно прислушивались к диким воплям за валунами, где студенты дрались за «Завтрак туриста», и только Миша хитро подмигивал Серёге Потанину, а тот понимающе ухмылялся.

Конечно теперь Колчевников и Потанин могли поглядывать на происходящее с высоты своего байкальского опыта, но они так далеко видели, потому что стояли на плечах титанов.

Титанами этими были ветераны томского водного туризма: Валерий Колпаков, Пит Кузмин, Леша Левашников, Сергей Чесноков, Анатолий Пастер. Главным титаном был Бармалей.

Именно его увидел я осенью 1971 года в красном уголке универсовской общаги – на агитационном вечере туристов – водников. Из его исторической речи следовало, что самых – самых первых сплавщиков вдохновила книга В. Чивилихина «Серебряные рельсы».

Это документальная история о трёх топографах, проводивших разведку возможного варианта трассы Южно-Сибирской железной дороги. Исследуя долину Саянской реки Казыр, они сплавились на маленьком деревянном плоту поздней осенью 1942 года и погибли, когда плот занесло под ледяную перемычку.

Мечтой первых туристов-водников было пройти по Казыру, считавшемуся пределом для деревянных плотов. После рассказа Бармалея и какого-то на половину засвеченного восьми-миллиметрового фильма я тоже захотел на Казыр и записался в секцию туристов-водников.

Надо отдать должное, в Томске тогда развелось множество титанов, и не только водного туризма. В крупнейшем Политехе Мира сеял разумное, доброе, вечное гуру пешеходного и горного туризма

Стариковский. А на чердаке общежития мехмата универа обитала популяция спелеологов.

Всех их – то отчисляли за пропуски занятий, то восстанавливали. Но они снова уезжали в разгар сессии штурмовать Торгашинскую пещеру и их опять отчисляли. Своих подружек они подразделяли на неказистых «раскладушек» и пригодных к пещерной жизни скво – «настоящих женщин» в переводе с языка индейцев. Любовь скво они завоёвывали тем, что забирались по плохо отштукатуренным стенам на потолок. Самые ловкие ухитрялись цепляясь ногтями рук и ног, добраться по потолку до шнура лампы. Особенно круто считалось проделать этот трюк в ресторане «Север» и покачаться на люстре во время танцев под «Шизгару». Одним из титанов тех спелеологов был Валерий Якубовский - будущий первопроходец высочайшего ледопада мира километровой Аккемской стены горы Белухи.

Среди первозванных участников команды Колчевникова был свой – «человек-паук» - отчисленный из универа за пропуски - Юрий Орлов. После отчисления он покинул родные пещеры и стал столбистом. Нынешнее поколение, не ведающее даже, кто такой Юрий Гагарин, подавно не в курсе заслуг перед человечеством Юры Орлова. Но те, кто знал его в то время, подтвердят, что только из-за таких, как он человечество и назвали человечеством.

Спокойный, умный очкарик как и всё наше поколение, попал под влияние Гагарина. Он считал, что настоящий мужчина (тем более Юрий) обязан посвятить себя полётам в космос. Окончив на пятёрки десятилетку в маленьком сибирском городке, Юра подался поступать в Томский университет изучать аэродинамику, баллистику и прочие космические науки.

Но к этому времени Гагарин погиб, академик Королёв умер, американцы высадились на Луне и посадили спускаемый аппарат на поверхность Марса. А два советских аппарата, спускавшиеся на Венеру, были раздавлены неимоверным атмосферным давлением. Оказалось, что под густым слоем облаков этой так называемой Утренней звезды скрываются вовсе не дождевые леса, подобные амазонским джунглям, а перегретый и пережатый ад – поучительный итог парникового эффекта.

В Политбюро ЦК КПСС были сильно разочарованы этим открытием и тихо, без торжественных речей, свернули программу полёта советского человека на другие планеты. Освоением космоса стали заниматься в основном с военно-промышленными целями. А военным очкастые, хоть и шибко умные космонавты были не нужны. Таких обычно отправляли в стройбат. В стройбат Юра не хотел и с закадычным пещерным другом подался на Красноярские столбы.

Настоящие столбисты того времени представляли собой популяцию бесшабашных типов, основным снаряжением которых были кушак – пятиметровый репшнур – и таджикские остроносые галоши. Явиться покорять Столбы в экипировке спелеолога (в грудной обвязке с карабинами, каске с фонарём и с верёвкой) означало обречь себя на всенародное насмешливое порицание. Пока такие ска-

лолазы вешали перила, мимо по отвесной стене обязательно сновали какие-нибудь симпатичные столбисточки в одних резиновых галошах, не считая одежды.

Секрет удалого мастерства красноярских столбистов был в передаваемом из поколения в поколение знании зацепок и способов до них дотянуться. Иногда, чтобы зацепиться, надо было перепрыгивать со скалы на скалу. Кушак использовали, чтобы помочь товарищу вылезти на стену с отрицательным наклоном. Настоящие мастера исхитрялись затаскивать самовар на самые неприступные столбы - Перья и любовались родными просторами, попивая горячий чай с карамельками.

Юра Орлов и его приятель не обладали сакральным знанием тайных троп для зацепок с галошами. Кое-что им нарисовал на клочке бумаги знакомый красноярский спелеолог (столбист по совместительству). Но в какой-то злосчастный вечер Юра по ошибке свернул из этой карты самокрутку и выкурил её у костра. Вот когда им пригодилась томская школа «человекопауков».

Мне запомнился такой случай. С утра Юра и пещерный друг (имя которого я не помню) собрались забраться на какой-то столб с верхушкой, расширяющейся наподобие шляпки гриба.

Как назло, у подножия им попала экскурсия очень даже симпатичных «раскладушек». Девушки, поняв, что двое интеллигентных юношей в остроносых галошах собираются залезть на стометровый гриб, пожелали увидеть это диво.

Ни Юра, ни его пещерный друг не помнили рекомендаций сакрального клочка бумаги. И я не помню, чтобы Юра, даже в хорошем подпитии, бегал по потолку на четвереньках. Видимо, это была обычная рефлекторная реакция пещерных людей постнеолита на появление группы молодых самок.

Желая показать себя, как особь, достойную продолжить род столбистов, Юрий ловко понёсся по стене. Друг не отставал и даже пару раз обогнал его. А в узкой расщелине он вообще отказался «уступить лыжню». Юре пришлось использовать его спину и плечи для зацепок.

Обогнав друга, он лягнул пяткой его в голову, вызвав взрыв восхищения прекрасных раскладушек.

Но, где-то на высоте 50-60 метров стена «ножки гриба» постепенно начала переходить в «шляпку». Наклон её – из фактически отвесного - становился отрицательным. Очевидные зацепки куда-то спрятались. Спуститься вниз уже было невозможно.

Однако талые воды Сарганского оледенения 35 тысяч лет назад позаботились о Юре. Обтекая оттаявшую верхушку гриба они промыли на стене два выступа. Верхний – нависал 5-10 сантиметровым карнизом. Метром ниже выступала такая же узкая дорожка для крзи.

Юра распёрся пальцами и галошами между выступами и, передвигая - то руку, то ногу, - двинулся в одну сторону; а друг, видимо обидевшись, подался в другую.

На этом месте рассказа Юра обычно закуривал сигарету. Нетер-

пеливые слушательницы предполагали:

- Больше вы никогда не увиделись!

Не романтичные слушатели не соглашались:

- Ерунда, они встретились на другой стороне столба!

На самом деле Юра добрался в распоре до места, где талые воды Сартанского ледника почему-то поленились пилить выступы, - карниз и «дорожка» прерывались, примерно, на метр, а затем продолжалась дальше. Тогда Юра и пожалел, что не пошёл служить в стройбат.

Какое-то время он думал не повернуть ли назад за другом, но заметив краем глаза, что внизу собралась уже довольно много зрителей, решил не разочаровывать их ожидания. Правда и чем порадовать собравшихся со всей округи, Юра не знал. Так и стоял в распоре, покачивая на ветру усталой задницей, пока не начали обильно потеть ладони.

Некоторое время Юра пробовал вытирать их об штаны попеременно – то левую, то правую. В результате штаны промокли, и снизу могло показаться, что он описался от испуга. Но и долго держаться потными пальцами за карниз тоже было нелегко – соскальзывали.

- Отрыв пограничного слоя, – констатировал Юра, вспомнив занятную книжонку о частных решениях уравнений гидродинамики для сопла Лавала, которую он намерен дочитать у костра и пустил на самокрутки. Пещерный друг, отчисленный ещё на первом курсе, почтавав доставшийся ему листок, решил, что это отрывок из повести о советских пограничниках.

- Нехорошо получилось – книга же библиотечная! – запоздало раскаялся Юра.

Ему пришло в голову, что есть что-то общее между колебаниями потока газа, сжимаемого соплом ракетного двигателя, и им, распёршимся между двумя выступами. Юра задумчиво начал раскачивать свой зад – единственную часть тела, которую в сложившихся обстоятельствах он мог использовать в качестве маятника.

- Хватит толпу собирать, – решил Юра, набрав довольно размашистую амплитуду, и со словами «Поехали!» перепрыгнул на продолжение дорожки для крэзи.

Потом ему попала трещина в шляпке гриба, по которой не составило труда залезть на вершину. В такой же трещине на противоположной стороне столба застрял здоровенный валун.

Под ним жалобно сквернословил обиженный приятель.

- И это мой лучший друг! Полный моветон, твою мать! Пойди с таким в читальный зал или в пельменную – интеллигенты точно по пасти накостыляют – ворчал Юрий, выуживая кушаком товарища.

Что характерно, Юра читал не только научную литературу. Я был свидетелем, как он доходчиво объяснил одному работяге - на фига он, вроде бы нормальный мужик, читает стихи поэтов-декадентов?

- Что тебе объяснять, ты же вообще стихов не читаешь!

Работяга после этого осилил сборник С. Есенина и имел большой успех – как в женском общежитии шарикоподшипникового

завода, так и в очереди у киосков, торговавших разливным пивом.

Кроме умной головы Юра имел ещё и умелые руки, которые использовал на калымах – работах на сельских стройках с целью заработка. Именно ему в группе Колчевникова доверяли вырубать «ласточкины хвосты» под «горьковские» подгребницы.

Своё мастерство Юра творчески воплотил во время пешей заброски в верховья реки Катунь. Надо отметить, что в то далёкое время, туристы-водники топор считали личным снаряжением, а зубную пасту – общественным. Кроме всего прочего они тащили к реке автомобильные камеры, которые привязывали потом снизу к рамам плотов. Камеры были довольно тяжелыми и плохо укладывались в рюкзаках. Потому пешая часть с более чем пятидесяти килограммовым грузом становилась для водников настоящей дорогой к геморрою.

Продвигаясь к подножию горы Белухи, группа Колчевникова преодолела очередной перевал и под вечер достигла первого места с водой уже ниже границы леса. После ужина водники совершенно без сил валялись у костра, покуривали, глядя на звёзды, и вяло спорили, кто должен пойти к ручью за водой для очередного чаепития.

Каково же было их недоумение, когда из тёмной чащи вдруг вышел Юра Орлов с большим бревном на спине. Не обращая ни на кого внимания, он скинул с плеч бревно, схватил топор и начал вдохновенно ваять, озаряемый всполохами костра. По мнению Колчевникова, в этот момент он напоминал скульптора Огюста Родена, творящего скульптуру мыслителя для «Врат ада».

Когда под ловкими ударами топора в бревне начал явно угадываться гениальный замысел автора, ехидную иронию зрителей сменило восхищение и групповой творческий энтузиазм. Все предлагали свою помощь, кто советом, а кто-то даже просился в натурщики.

Так была близка зрителям тема, выраженная творцом в скульптуре.

За час Юра вырубил из бревна двухметровое фаллическое изваяние и, снабдил его остроумной надписью «Туристам-пешеходникам от туристов-водников». Сопровождаемый группой поддержки он унёс скульптуру назад – на перевал. Там монумент торжественно установили, подперев камнями к перевальной пирамиде.

Член партии Боцман произнёс прочувствованную речь, особо подчеркнув, что это подарок туристов-водников не только пешеходникам, но и предстоящему съезду КПСС. Речь прерывалась бурными и продолжительными аплодисментами. Потом участники митинга до утра сидели на перевале, молча любясь звёздами над изваянием. Когда небо над горами начало светлеть, их просветлённые мозги осознали, какую космогоническую глубину вложил несостоявшийся космонавт Юра в своё творение.

Ещё была весёлая переправа через бурный поток, натянутая Юрой Орловым. Дело в том, что лагерь команды Колчевникова оказался на одном берегу Катунь, а плотбище – место, подходящее для строительства плота, – на другом.

Катунь, только что родившаяся на леднике Белухи, была не очень широка. Наведение переправы Колчевников доверил, конечно, Юре. Тот напялив на себя пару спасжилетов и, обвязавшись грудной обвязкой, прицепил на спину через карабин основную верёвку. Затем, проинструктировав Потанина, державшего другой конец верёвки, что делать, если не удастся пересечь поток, Юра перебрёл-переплыл реку и закрепил верёвку на другом берегу.

Готовую переправу вызвался испытать Серёга Потанин. На свою беду, он решил усовершенствовать творение Мастера.

И всё из-за того, что на нём были финские лыжные штаны, подаренные родителями на день рождения. Серёжа очень любил их за то, что они грели его по ночам в спальнике, прозванном «смерть туриста», которые выпускала тогда советская лёгкая промышленность.

Потанин не хотел мочить штаны на ночь глядя и, слегка подумав, накачал камеру, продел через неё репшнур, сделал петлю, которую через карабин прицепил к верёвке на переправе.

Сопровождаемый восхищёнными хмыканьями, Серёжа улёгся животом на камеру и в мгновение ока оказался на середине реки в совершенно сухих штанах. Но здесь сила потока, тянувшая камеру вниз по течению, прогнула верёвку в тупой угол, в котором и застрял карабин с репшнуром. Камера ушла под воду, а с нею Серёжа в финских штанах.

Вскоре камера выпрыгнула из-под Потанина, но он исхитрился перехватиться руками за основную верёвку – благо занимался спортивной гимнастикой. Теперь Сергею пригодились полученные в секции навыки. Используя силу потока, он делал под водой махи ногами, а, вынырнув, перехватывал руками веревку и продвигался к берегу.

Поражало поведение собравшихся на берегу товарищей Серёжи. Несмотря на явную опасность ситуации, в которой он оказался, эти, с позволения сказать – друзья, вместо каких-либо попыток оказать ему помощь, просто катались по берегу от смеха.

Их рассмешила Катунь. Река сдернула с Серёжи его любимые штаны, а заодно и чёрные сатиновые трусы. Когда перворазрядник Потанин выполнял мах прогнувшись, над водой появлялись его незагорелые ягодицы, затем ноги. На правой ноге флагом развевались по воде штаны, застрявшие на кеде.

В том походе Колчевников пережил свой первый переворот. Такой ошеломляющий эпизод наверняка впечатывается в «карму» каждого водника. Неожиданно Вселенная переворачивается вверх ногами!

Случилось это в результате начавшегося с сотворения сплава спора между загребными передней и задней гребни - грести право или влево.

Передним загребным был Потанин, задним – Колчевников. В результате плот лагом (бортом) пошёл на вал и перевернулся. Произошло это в Аккемском прорыве. Вся команда вылезла на днище с привязанными камерами и поплыла к Северному Ледовитому

океану.

Потанин, хотя и был в своих тёплых финских штанах, решительно не желал дрейфовать к Северному полюсу. В то время, когда остальной личный состав пытался прикурить промокший окурочек из личной коллекции Колчевникова, Серёжа совершал героические попытки доплыть с чальным концом до пронсящих мимо берегов.

Будучи большим ценителем всевозможных проявлений женских добродетелей, Колчевников и в характерах любимых рек умел увидеть черты богом избранной половины человечества.

Так Катунь, он считал подобной здоровенной деревенской бабе в расцвете лет – темпераментной, но доброй. Она может матерински наказать за наглое панибратство и безалаберность, но убивать не будет. Главное – не попасть в мощные объятия Катунь в паводок, когда бушует та древняя любовь, что заставила её бежать от родного отца Бабыргана к красавчику Бюю.

Действительно, долгие десятилетия, пока туристы-водники считали Катунь одной из самых уважаемых сплавных рек известного им мира, никто из них в ней не утонул. Потом, по мере освоения более сложных рек, кое-кто из новых экстремалов начал принимать доброе отношение Катунь за слабость. В ответ река перестала щадить жаждущих испытать её силу.

К счастью для Потанина, в тот день он ещё не был первоходом Мажойского каскада, а после упомянутой выше переправы шибко уважал Катунь за могучую удаль и тонкое чувство юмора. Поэтому река затолкала плот в улово где-то возле устья Чуи и позволила Серёже доплыть с чальным концом до берега. Когда Потанин победной поступью выходил из студёных вод, таща за собой плот, Катунь не удержалась и опять сдёрнула с него пресловутые штаны. Только тогда команда Колчевникова оторвалась от промокшего окурочка и начала потешаться над своим спасителем.

По непостижимому закону круговорота жизни первый порог, в котором перевернулся Колчевников, через много лет оказался для него последним. Именно в Аккемском прорыве перевернулся рафт под командой Миши, да команда та была из неопытных клиентов, а у Катунь как раз случился дождевой паводок. И ведь чувствовал он, что опасно лезть в её объятия, но не решился предложить коммерческой группе подождать день-два на заваленном валунами берегу, пока спадёт вода.

Но в то далёкое время юный Потанин вытаскивал такого же юного Колчевникова с хохочущими товарищами. Серёжа замёрз и не разделял общего веселья. Он мечтал о том, как бы быстрее выпить у костра глоточек технического спирта. Мечта отражалась на его лице суровой целеустремлённостью: Сергей напоминал одновременно и выходящего из воды дядьку Черномора, и влачащего свою нелёгкую баржу бурлака.

А Миша, хотя тоже продрог в промокшей одежде, попал на своё судьбоносное коловращение с жизнерадостным смехом. В этом жизнерадостном состоянии он и пребывал на большей части вы-

павшего ему кольцевого маршрута к последнему порогу.

Мои родители похоронены на Черницком кладбище. Каждый раз, бывая там, я посещаю могилы своего учителя – Миши Колчевникова и ученика – Андрея Сигарёва. Став одним из лучших барнаульских самостоятельных туристов Андрей погиб на той же реке, на которой родился как сплавщик.

Среди скорбных надгробий их памятники легко заметить по жизнерадостным физиономиям, вззирающим на наш тусклый мир с портретов. И это не какой-то художественный ход могильных дизайнеров. Родственники просто не нашли фотографий, на которых бы – что Миша, что Андрей - не радовались бы своей жизни. Действительно, почему не радоваться, когда живёшь своей жизнью, а не чужой?!

У каждого своё колесо судьбы. Так и жизненные пути Потанина, Орлова, Колчевникова постепенно разошлись, когда Миша уехал работать в Барнаул по распределению. В то «счастливое время» студенты должны были отработать свой неоплатный долг перед Родиной за бесплатное образование. Колёса судьбы вынесли Мишу и Свету не в какой-нибудь Почтово-шарашинск-1, а в Барнаул – город на Оби-реке, рождающейся от любовного слияния Бии и Катуня.

Как это происходит? Вроде бы совсем недавно (лет двадцать назад) мы были вместе – на одном плоту. Казалось, так будет всегда. Но однажды оглянёшься и заметишь, а ведь ты один, как каякер!

Неразлучные друзья – Михаил Колчевников и Сергей Потанин. Разве что дружба Карла Маркса и Фридриха Энгельса оставила в истории подобный пример настоящего мужского товарищества. Когда в Томске водники говорили «порог прошел Потанин», подразумевали – «Колчевников»; говорили «Колчевников» – подразумевали – «Потанин».

Однажды они даже совершили совместный скачок во времени. Согласно теории относительности А. Эйнштейна такое возможно только при условии, что их личные системы отсчёта пребывали в инерционной связи, которая между ними была более сильной, чем с окружающим миром.

Тёмным морозным утром, в самом конце декабря (ни число, ни год Миша не запомнил), Колчевников шел по Университетской роще. Он спешил на сдачу зачёта и был переполнен знаниями, а также – светлыми юношескими предвкушениями предстоящего Нового Года. На подходе ко второму корпусу навстречу ему попался сияющий счастьем Потанин.

Сергей сдал так называемые тысячи по иностранному языку. В школе он учил другой иностранный язык. Впрочем, это не имело особого значения. Советские школьники, как и их учителя, не верили, что иностранный язык кому-то пригодится. Иностранцев в Томск, как и в большинство российских городов не пускали, съездить в капиталистическую страну было нереально, а в социалистических и русским тогда обходились.

Поэтому легко представить радость Серёги, который помнил со школы только незабвенную нетленну:

- Mein Bruder ist ein Traktorist In unseren Kolchos, но исхитрился перевести статью из американского научного журнала о квантовых переходах частиц материи.

Переполюнявшая Потанина радость выплеснулась на Мишу, а тот, будучи настоящим другом, выразил готовность разделить её, наплевав на сдачу собственного зачёта.

Событие решили отметить культурно - в пельменной у вокзала Томск-1. Там был бар, в котором с самого утра продавали коктейль «Кровавая Мэри». Под пельмени - очень изысканно и интеллигентно.

Там-то после очередной «Кровавой Мэри» с друзьями случился «квантовый переход - во времени и в пространстве». Последнее, что в тот день в пельменной видел Миша, была белокурая барменша с ярко накрашенными губами и ласковыми глазами. Она восхищённо слушала Серёжу, вдохновенно читавшего ей якобы свои стихи про брата-тракториста, опубликованные в ГДР на немецком языке. Миша устал ждать, когда зациклившийся на двух строках Серёга продекламирует всё стихотворение, и закрыл глаза.

Когда он их открыл, то оказался на собственной кровати в родном общежитии. В комнате горел свет. На соседней кровати лежал Потанин. Миша встал, посмотрел в окно и задумался:

- А был ли Новый год?!

Часы на руке показывали около пяти. Судя по темноте за окном, на севере Южной Сибири могло быть и зимнее утро и зимний вечер и даже летняя ночь. Но самой нереальной особенностью того мира, в котором очутился Миша после пробуждения, было отсутствие людей. Если не считать законно прописанного студента Потанина, в их комнате обитало ещё человек пять-шесть. И все они куда-то подевались.

Миша выглянул в коридор. Вопреки обычной ночной картине там никто не слонялся. Горели лампы и было как-то потусторонне тихо.

- Люди! - не своим, сильным голосом позвал Миша.

Никто не отозвался. Но из глубин коридора донёсся шум воды, стекающей в канализацию.

- Слава КПСС! Мы не одни на этом свете!

Миша вернулся в комнату и выключил свет.

- Ой! Включи, пожалуйста, - неожиданно заговорило тело Серёги.

Миша включил свет, но поинтересовался:

- На фига, mein Bruder?

- Страшно, - ответил Bruder Серёга.

- Не бойся! Канализация работает, значит, войны не было.

- Какая война? Ты что, не понял, что с нами случилось? - с жаром зашептал Сергей. - Говорю тебе как радиопизик радиопизуку - это квантовый скачок! Только что мы были «там и тогда» и вдруг всплыли «здесь и сейчас». Пространство и время продемонстрировали свою полнейшую относительность. Они появляются лишь там, где плещутся световые волны. Без света страшно. Не выключи

чай, пожалуйста!

Миша с удивлением посмотрел на просветлённый лик Серёги и бочком двинулся к своей кровати, решив, что с таким радиофизиком в одной комнате без света он и сам бы не остался.

- Bruder, скажи мне как радиофизик радиофизику, – а был ли Новый год? – всё-таки решился спросить Миша, укрывшись подушкой.

- Я думаю, что был, и хорошо, если один!

- Мудро! – подумал Миша и уснул.

Как позднее выяснилось, то была ночь со второго на третье января следующего года.

Колесо судьбы Потанина покатило в сторону от команды Колчевникова после первопрохождения Мажойского каскада на реке Чуе в мае 1976 года. Это была вымученная третья попытка.

В первый раз Колчевников пробовал пройти каскад во время тривиального спортивного похода, но без обноса непройденного участка в районе посёлка Акташ, однако разбил плот о камень, названный им Стол президиума.

Второй раз Миша хотел перехитрить реку – поймать малую воду. Прибыл к входу в каскад в начале последней декады апреля и попал в застрявшую среди гор зиму. Команда пропьянствовала дня три в ожидании весны под мокрыми снегопадами и шквалистыми ветрами. Когда на четвёртое утро посланный за водой дежурный обнаружил реку, полностью покрытую льдом, Колчевников решил, что расположение звёзд не предвещает ничего хорошего, и уехал восвояси.

Летом того года по протекции Сергея Потанина я попал в Чуйско-Катунскую экспедицию знаменитого томского плотогона Кая. Если сравнить титана Бармалея с капитаном Флинтотом из «Острова сокровищ» Р.Л. Стивенсона, то капитан Кай для томских флибустьеров был кем-то вроде Сильвера – только без попугая и култышки, но такой же авторитетный. В экспедиции подобралась достаточно опытные водники, вполне пригодные для безумных дерзновений. И то - мудрый Кай предпочёл вместо первопрохождения Мажойского каскада совершить радиальный выход на Шавлинские озёра!

Однажды к нашему плотбищу причалил плот москвичей. Мы побросали топоры и побежали к берегу, приветливо махая руками. Тут-то я и почувствовал разницу между спортивной группой, совершающей поход V категории сложности, от турья, не заботящегося даже о справках об участии.

Москвичи отличались от нас, как вырядившаяся на парад прусская лейб-гвардия от потрёпанного в боях махновского ополчения. Спортсмены были в форменных монтажных касках и военных спасилетах единого образца. На плоту была всего одна женщина.

Мы же экипировались кто как мог. Кроме модных тогда монтаж-

ных касок наиболее продвинутые начали использовать хоккейные шлемы, правда, часто ломали их во время перевозки в рюкзаках.

Особым разнообразием отличались самодельные спасжилеты. На безрукавку из старой куртки пришивали большие карманы – по бокам и на спину. В спинной карман принято было вставлять надувное подкладное судно, а в боковые – детские надувные подушки.

Наш старпом Коля забыл дома такие подушки. В сельпо Акташа детских подушек не оказалось, и Коля купил надувных крокодильчиков, которыми набил карманы. Интересно, что когда он выпал за борт в одном из порогов, крокодильчики выбрались из спасжилета и уплыли вниз по реке.

Другим характерным признаком команды Кая было то, что она почти наполовину состояла из симпатичных девчонок. Ветеран Левашников, ходивший ещё на деревянных плотах, называл их колясочницами. По его словам, женщина, чтобы оправдать своё присутствие на корабле, должна в порогах катать по палубе коляску с тяжёлыми камнями. Её задача - не допустить переворот плота, во время загружая собой и коляской вылезавший из воды борт.

Не удивительно, что столичные плотогоны рассматривали нас со своего судна с такой же величественной суровостью, с какой конкистадоры взирали на туземцев со своих каравелл.

На берег снизошёл лишь капитан и осведомился, кто тут у нас главный. Истинный джентльмен Кай ударил себя в грудь кулаком и сказал:

- Кай!

Я ожидал, что москвич вежливо представится хотя бы Маклаем, но тот не счёл нужным и без церемоний попросил карту. Кай принёс лоцию р. Чуи, прокомментировал обозначенные на ней пороги и на всякий случай (из человеколюбия) сообщил, что там вниз по течению находится никем не пройденный Мажойский каскад, который мы – томичи - собираемся обойти через Шавлинские озёра, чего и им – москвичам - желаем.

Москвич смерил его столичным взглядом и сообщил, видимо, для сведения нас – томичей, что его команда всегда все пороги проходит по рекам, а не по озёрам, чего и нам желает.

Засим москвичи уплыли в своём спортивном стиле, то есть не попрощавшись, а томичи уселись у тлеющего костра выпить по глоточку и обкурить увиденное.

- С одной колясочницей им Мажой не пройти, – глубокомысленно заявил ветеран Левашников, и ведь как в воду глядел!

Через неделю мы коротали на берегу Нижнего Шавлинского озера один из счастливейших вечеров наших жизней. И тут с Машейского перевала на наши головы свалился оборванный, побитый и несчастный москвич с того столичного плота.

Он пришёл налегке – без личных вещей, сказал, что всё пропало вместе с плотом, разбившимся сразу, как только они вошли в Мажойский каскад. Причиной кораблекрушения бедолага считал их единственную женщину, оказавшуюся женой руководителя. Она, видите ли, во всё вмешивалась, всеми командовала.

В результате плот перевернулся. Слава богу, все живы остались. Теперь ищут в реке свои вещи, а он сюда подался – «искать людей, которых видел на берегу».

- Как это – «всеми командовала»? – изумилась жена Левашникова, заведующая лабораторией Сибирского физико - технического института, изящная интеллигентная женщина, в прошлом известная колясочница. – Слабо коляску катать, так иди на берег – фотографируй!

Левашников самодовольно приосанился, а Кай одобрительно показал ему большой палец. Но наибольшее впечатление речь жены Левашникова произвела на москвича. Она, похоже, напомнила ему, что женщина в принципе может вызывать у мужчины не только чувство ужаса и отвращения. А выпив полкружки предложенного ему технического спирта и закурив, он даже начал озорно поглядывать и на остальных наших девчонок.

Потом москвич спустился с нами в долину Чуи ниже Мажойского каскада и вернулся к своим, изгнавшим к тому времени капитаншу. Нашелся и их перевёрнутый плот с вещами и деньгами, и остатки команды почли за благо вернуться в Москву.

Сия поучительная история показывает, как тяжело давались достижения сплавщикам, не знавшим ни каяков, ни «бубликов», ни даже катамаранов!

Тем значительнее выглядит итог третьей Мажойской экспедиции под руководством М.Ю. Колчевникова, сумевшей совершить (совершенно без колясочниц!) первопрохождение каскада, в котором в XXI веке проходит одно из экстремальнейших соревнований спортсменов-водников.

Первопрохождение Мажоя давалось группе очень тяжело. Как и в первый раз, плот налетел на Стол президиума. Однако не разбился, а застрял. Потанин выскочил на скальный обломок Стола и столкнул в слив переднюю часть плота. Серёжа еле успел прыгнуть на плот, подхваченный струёй.

На другой день плот на выходе из очередного порога заскочил со струёй на трамплин из обливного валуна и перевернулся.

Опрокидывающаяся палуба метнула Потанина на береговую скалу, в которую он и вцепился всеми своими конечностями. Сергей оказался единственным членом экипажа, вышедшим сухим из переворота. В честь исполнителя этого трюка порог был назван Каскадёром.

Отсутствие колясочниц всё-таки сказалось. Группе пришлось обнести порог «Сито» из-за невозможности пройти на плоту между скальными обломками при том (малом) уровне воды.

Когда в майский паводок 1984 года Сито прошла наша группа, у нас в соответствии с мудрым указанием Левашникова были целых две колясочницы (одна с опытом Башкауса!). А ведь сплавлились мы не на плоту, а на катамаранах. Попробуйте покатать коляску с камнями по катамарану.

Ещё один порог Мажойского каскада не довелось пройти команде Колчевникова. Зато его удачно прошёл плот – не только без колясочниц, но и вообще без экипажа. Произошло это при следующих обстоятельствах.

Целый день обрабатывала команда участок реки после обноса порога Сито. Там, в реке, до правобережного пляжа перед двухметровым водопадом Малыш пять никем не пройденных порогов высшей категории сложности.

Конечно, всем хотелось бы быстрее дойти до пляжа, но приходилось перед каждым порогом организовывать гарантированное причаливание. После причаливания – перекур. Затем осмотр и обсуждение каждого ключевого места с перекуром. Развод береговой страховки. Перекур перед отчаливанием и, крестя лбы комсомольские, – на прохождение. После прохождения – обмен впечатлениями, перекур, и всё сначала.

Такая надёжная тактика постепенно наполняла экипаж уверенностью в своих силах. Особенно чисто были пройдены два слива под правобережной скалой, известные теперь как порог Чистый. А за ними в перспективе просматривался вождеденный пляж перед Малышом, – над ним был базовый лагерь. И здесь не сработались экипаж плота и команда гарантированного причаливания. Первые, не причалив, начали обсуждение и перекур, а вторые с берега проявляли своё восхищение. В итоге под нецензурную речь Колчевникова плот был посажен на камни у левого берега, на входе в следующий порог.

Миша вспомнил мудрость древних туристов – «Большинство несчастных случаев на маршруте происходит после семи часов вечера!» и повелел прекратить сплав на сегодня. Плот надёжно застрял на камнях, но для подстраховки Юра Орлов зачалил его двумя чалками – носовой и кормовой.

Как же оторопела команда на следующее утро, обнаружив своё судно фактически в сливе порога – болтающимся на одной чалке. Видимо, ночью повысился уровень воды из-за растаявших где-то в горах снегов, и река сняла плот с камней, а затем своими рывками порвала восьмимиллиметровую капроновую чалку.

Потанин, имевший опыт полётов между плотом и берегом, ловко перепрыгнул на палубу и попытался гребками передней гребки подогнать судно к берегу. Но тут лопнула и вторая чалка, и плот пошёл в слив. Благо струя вынесла его к левобережной скале. На неё тут же выскочил Серёга и привычно вцепился всеми конечностями.

Никем не управляемый плот удачно прошёл следующий порог и был успешно выловлен перед водопадом Малыш живцами из команды гарантированного причаливания.

Порог, порвавший чалки и попытавшийся унести Потанина, первопроходцы называли Коварный, а не пройденное группой препятствие – Недотрога.

Вот эти полёты над мажойскими порогами и определили дальнейший жизненный выбор Сергея Потанина. Сравнив свои ощущения после переворотов в Аккемском прорыве и пороге Каскадёр, Серёжа решил, что лучше парить над студёными водами, чем мочить в них свою филейную часть, и примкнул к первым томским дельтапланеристам. Вместе с Питом Кузьминым они собственными руками сделали, наверное, второй дельтаплан города Томска, и в мае 1978 года, когда М.Ю. Колчевников организовывал своё легендарное «Чуйское ралли», Сергей Потанин организовывал первые соревнования дельтапланеристов в Курайской степи над Чуей.

Мы все – команда Валеры Крафта, моя группа, вызвавшиеся представлять родной город на «Чуйском ралли», и дельтапланеристы–спортсмены должны были ехать из Бийска в Горный Алтай единой делегацией, – то есть в одном автобусе, заранее заказанном через областную Федерацию туризма.

Здесь следует скромно отметить, что после двух лет руководства водными походами автор этих мемуаров приобрёл в Томске сомнительную репутацию человека, которому не надо искать приключений, – они сами находят его. Бывало, ко мне на улице подходили незнакомые люди с других плотов и просились на мой плот. Удивлённый и польщённый я спрашивал:

- Почему именно на мой плот?

- С тобой интереснее. Ты обязательно во что-нибудь впендюришься! Будет потом о чём вспомнить!

Видимо, желая подстраховаться на случай, если команда Валеры Крафта не займёт первое место, члены Федерации решили продемонстрировать водно-туристической общественности и мою группу, дабы было о чём вспомнить публике, съехавшейся со всего Советского Союза.

Однако в силу неудачно складывавшихся обстоятельств мне не суждено было прославиться на шестой части Земли с названием кратким – СССР. И первым таким обстоятельством была повестка в военкомат, вручённая самому опытному из участников – кормовому загребному Васе.

Попав в нашу группу, Вася явил нам кучу талантов. Он был и знахарь, лечивший все наши болезни таблетками активированного угля, и шаман, с переменным успехом наколдовывавший солнечную погоду тем, что бил ботинком по попе всех, кто всеу говорил о дожде. Он же договаривался с проводниками, когда мы не могли купить билеты. Правда, после последних его переговоров нам пришлось во время движения состава ползти по крышам десяти вагонов в поисках открытой двери.

Он был для меня как Фридрих Энгельс для Карла Маркса, или как Потанин для Колчевникова! В свои неполные двадцать два года я уже мечтал передать ему на старости лет бразды правления и истлевшую хоруговь нашего плота. И надо же лишиться такого кадра перед ответнейшими соревнованиями!

А всё из-за спелеологии. Мало ему водного туризма! А осенью и зимой что делать – не на лекции же ходить? Вася подался к «чело-

векопаукам». Естественно, в первую же сессию его отчислили, и он автоматически лишился отсрочки от службы в армии.

Теперь Вася прохладился в инфекционном отделении одной из городских больниц, где в ожидании окончания весеннего призыва так увлекательно симулировал тяжелую форму дизентерии, что смотреть в его прямую кишку привозили студентов Медицинских институтов даже из соседних областей.

А наше предприятие как-то сразу не заладилось. Из всех «делегатов» билеты на поезд до Бийска удалось купить только Крафту. Его люди сели на свои места, потом вынесли нам билеты. Мы вошли в вагон, рассовали рюкзаки по верхним полкам и выставили дозоры, призванные предупредить о приближении контролёров.

Вслед за пробежавшими по вагону зайцами пришёл дозорный из тамбура и доложил, что злой дядька в форме железнодорожника закрыл дверь соседнего вагона. Мы простились с гольями Крафта и пошли в рабочий тамбур. Именно там снаружи есть лестницы, по которым можно вылезти на крышу вагона.

Тем, кто решится как-нибудь поползать по крышам вагонов, я бы посоветовал: иметь ключ, которым проводники открывают двери вагонов; не прикасаться к проводу, который висит над вагонами; на поворотах не ползать, а крепко держаться за что-нибудь; на станциях – не попадаться на глаза железнодорожникам, милиционерам и бдительным гражданам. Ощущений и так будет по самое «не хочу»!

Намучившись с закрытыми дверями в прошлый раз, мы заранее обзавелись ключом, выменяв его на технический спирт у комиссара студенческого железнодорожного стройотряда «Голубая стрела». Чтобы случайно не коснуться провода, все ползали по-пластунски. Резких поворотов на этом перегоне не было, да и переползти надо было всего два вагона – свой и тот, где были контролёры.

Мы переползли три крыши. Я спустился по лестнице к двери рабочего тамбура, отворил её ключом. Затем заглянул внутрь вагона и спросил у куривших на площадке мужиков:

- Контролёры прошли?

- Здесь ещё! – вытаращив глаза, ответили мужики.

Вежливо попрощавшись, я закрыл за собой дверь на ключ, и мы поползли через следующую крышу.

К счастью, в соседнем вагоне контролёров уже не было. Сообщившие мне об этом мужики также вытаращили глаза при моём появлении. Но когда вслед за мной с пронсящегося мимо пейзажа в вагон вошли ещё пять человек, среди которых была и увязавшаяся за нами девушка Надя, у них кроме того отвисли челюсти и окурки выпали из ртов.

У Нади вообще-то был билет, и ехала она не с нами на ралли, а на скалолазание в Усть-Сему. Но ей тоже хотелось «во что-нибудь впендюриться». Вот какие скво, раскладушки и колясочницы жили в наше время!

Такой же сорви головой мне показалась Светлана Колчевникова, когда я увидел её на «Чуйском ралли» – вскоре после того как мы на

самом деле впендюрились.

Утром - в день начала первого «Чуйского ралли» – мы и группа Крафта стояли на левом берегу Чуи, выше порога Буревестник.

Во время завтрака подошёл Валера и весело осведомился, не забыли ли мы, что старт соревнований в 12 часов на пороге Бегемот, а надо ещё дойти и зарегистрироваться.

Я ответил, что не забыли и скоро отчалим. Осталось только переднюю гребь доделать и собраться. Крафт весело оглядел моё соседоточенно жуочеёе воинство, предложил встретиться в полдвенадцатого у судейской, и его команда весело уплыла.

Я приказал своим воинам доделать гребь и вязать рюкзаки к продолинам плота, а сам сподобился наконец взглянуть на порог Буревестник.

В прошлый свой приезд на Чую мне досталась должность чалящего на плоту Левашникова. На деревянных и камерных плотах это была самая ответственная и тяжелая работа после непосильного труда колясочниц. Опытные водники всеми правдами и неправдами увивали от исполнения данной обязанности, предпочитая передавать её новичку группы.

Представьте себе разбившего свои очки молодого очкарика. Под матерную ругань капитана он бежит, высоко задирая костлявые колени, по берегу, заваленному валунами, плавником и скальными обломками. Его задача – найти тут дерево (или способный заменить его камень), захлестнуть вокруг чалку и удерживать на струе плот, груженный рюкзаками, колясочницами и опытными водниками до тех пор, пока судно маятником не прибьёт к берегу и капитан не сможет сойти, не замочив ног.

Мало того, что один чалящий исполнял работу целой береговой команды гарантированного причаливания, ему же, как правило, доверяли охранять плот, пока капитан и опытные водники осматривали пороги со всеми обсуждениями ключевых мест и соответствующими перекурами.

Даже колясочницы ходили смотреть пороги, их там часто оставляли у ключевых мест с фотоаппаратами. Недовольным объясняли, что это – фотостраховка, ответственнейшее дело, мужикам ни как нельзя доверять! Потом в отчёт нечего (и некого) будет клеить.

И только я один сторожил весь флот Кая, так как остальные чалящие поручали мне свои плоты на том железном основании, что я не курю и принять полноценное участие в ритуале обсуждения прохождения порога всё равно не смогу.

Естественно, что, приехав второй раз на Чую, я понятия не имел, как выглядят с берега её пороги, какие у них ключевые места и как мы их проходили четыре года назад.

До сих пор не знаю, что за препятствие я осмотрел в то утро. Но оно не имело ничего общего с тем порогом, в который мы въехали после отчаливания. Тем не менее первые сливы были пройдены успешно и команда даже успела отгрести в сторону от какого-то камня.

И тут с берега нам начали аплодировать какие-то девчонки в ку-

пальниках. Большинство моих воинов до этого сплавлялось только по верхней Катуне и ни разу в жизни не видело девчонок в купальниках на берегу горной реки. На их лицах появились совершенно идиотские улыбки. Масленные глазки скосились на берег. И в следующее мгновение под несмолкающие бурные аплодисменты плот врезался в здоровенный валун.

Только что доделанная передняя гребь - вдребезги. Экипаж задней гребки в полном составе выпал за борт. Но самое интересное, что на берегу возник парень с кинокамерой, который с удовольствием заснял весь наш позор. Я думаю, что и девчонок в купальниках он выставил специально, и, возможно, мы были не первая и не последняя жертва коварного кинематографиста.

Дойдя на запасной гребки до первых ориентиров порога Бегемот, мы причалили на лесистый левый берег. Я приказал своим мокрым воинам быстро сделать новую гребь и побежал искать судейскую.

Первое «Чуйское ралли» было и для меня первыми соревнованиями. Но судейскую я узнал сразу. На поляне стоял походный стол. Вокруг суетились давно не бритые мужики в спасжилетах. И над ними спокойно возвышалась невысокая женщина без спасжилета, но зато с папкой и авторучкой.

Это и была легендарная Светлана Колчевникова, в честь которой был назван самый эффектный порог на реке Акалаха.

Увидев её, я сразу понял, что только она имеет чёткое представление о том, что тут на самом деле происходит. Сибиряки не понимали, когда им стартовать и где финишировать. Европейцы искали – кому вручить их протесты, уральцы просто шумели для порядка. А Света каждого чётко куда-то посылала, и все всё сразу понимали, но никто никуда не расходился.

Из толпы небритых мужиков выскочил Валера Крафт и, радостно тыкая в меня пальцем, начал кричать:

- Где тебя черти носят? Я тебя зарегистрировал. Твой стартовый номер – седьмой. Первый стартует через двадцать минут. Вот тебе схема прохождения.

На первом «Чуйском ралли» не вешали ворот. Капитанам раздавали схемы порога. Они наносили на них свой план прохождения и сдавали в судейскую. За отклонения от собственного плана судьи штрафовали команды. Количество штрафных баллов под видом штрафных секунд прибавляли к времени между стартом и финишем. По полученному результату определяли место, занятое командой.

Я начал сбивчиво рассказывать Крафту про девчонок в купальниках, коварного кинематографиста и сломанную гребь. Валера очень расстроился, что его команда не видела в «Буревестнике» никаких девчонок.

- Ну почему одним всё, а другим – ничего? – воздел к небесам он мозолистые руки. - Сплавляешься, сплавляешься - и хотя бы раз хоть одну девчонку в купальнике увидеть! Света, можно команде «Томск-2» поменять стартовый номер? Они в «Буревестнике» на девчонок напорлись и гребь сломали.

- Нет! – сурово ответила Света. – Чего выгадываете? Томичи, а ведёте себя, как москвичи. Судьи и так запутались. Кто за кем стартует – сам чёрт не разберёт. А вы – «на девчонок напоролись, на девчонок напоролись...». Мне бы ваши проблемы.

- Ну, Светик! – заканючил Крафт. – Это же твой земляк - Вова. Его сам Потанин знает!

- Серёжа? – голос Светы потеплел. - Как он там?

- Летает! – сказал я и, показав пальцем в сторону Курайской степи, уточнил – там!

- Ладно, стартуешь последним. - Света сделала пометку в стартовом протоколе.

- Почему это «Томск-2» – последние? Они жребий не тянули! - заволновались небритые мужики - Когда начнут принимать протесты? Где этот хренов Мишка Колчевников? Его кто-нибудь видел сегодня?

А я помчался от греха к своей команде, с ужасом думая о том, что обкурить ключевые места Бегемота мы уже не успеем.

Историю творят не только герои, подобные Колчевникову. Что бы смогли эти титаны, если бы не те, кто был вокруг да около. Вокруг меня тогда были Васины одноклассники Боря, Саня, Степана; мой сослуживец Женька, которого они бесовестно заставляли быть чалящим, и ветеран нашей группы – Судорога. Ему я, опрометчиво, доверил быстро сделать гребь, не учтя, что наш ветеран до этого сплавлялся только по саянским рекам.

Метров за сто до плота я начал кричать своим воинам:

- Экипаж, к бою! Кончай перекур – алкоголики! Пожар в торпедном отсеке! Экстренное погружение...

Но они жались к костерку своими мокрыми телами и, не обращая на меня внимания, продолжали о чём-то спорить.

- Не помешал? – спросил я, приблизившись вплотную. – Быстро отчаливаем! Соревнования уже начались.

- Мы гребь не сделали. Судорога не может сухостоину найти, – начали жаловаться воины, не бывавшие в Саянах, но зато прошедшие Катунь. – Мы ему говорили, что сухойстой на Алтае не растёт, а он не верит.

Идти без запасной гребки в порог, который по воспоминаниям лета 1974 года мне представлялся крайне опасным? В отчаянии я выхватил у Судороги топор и накинулся на ближайшее дерево. Такие отвратительные элементы тяжелого экотуризма – были нормой для путешественников того времени.

- Это санитарная вырубка. Вечером плеснём лесным буханчикам за ёлку.

Буханчиками – алтайцы (шофёры и проводники) называли духов всевозможных местных достопримечательностей: дерева, речки, ключа, перевала, которым обязательно надо плеснуть водки.

Всю дорогу до места старта я пытался объяснить команде, что им делать в пороге:

- Сначала будет слив под мостом. После него свалим – чуть направо. Впереди будет торчать из воды «клык» Бегемота.

Крафт нарисовал нам – пройти справа! За ним – гряда полуобливых валунов в правой части русла. Проход в левой трети. Поэтому - жмёмся к «клыку» левым бортом...

На месте старта мы застали компанию бородатых туристов, мирно куривших «Беломор» возле куска сала и початой бутылки водки. Они сообщили, что стартовая бригада судей ушла минут пятнадцать назад, матеря каких-то опоздавших чудаков на букву «т».

Чудесный весенний день действительно уже перевалил далеко за то, что в пионерских лагерях называли «тихий час». Я, вспомнив мудрость древних туристов - «Большинство несчастных случаев на маршруте происходит после семи часов вечера», решил не терять время на осмотры ключевых мест и повелел продолжить сплав.

И мы понеслись! Начав руководить, я не только распростился с обязанностями чалящего. Вопреки правилу «Место капитана – на корме» мне нравилось управлять плотом с передней гребни, оправдываясь тем, что отсюда лучше видны ключевые места порога. Опытный кормовой Вася обычно успевал ворочать задом плота в соответствии с моими командами и реально сложившейся ситуацией. Но Васи не было.

Я это понял, когда экипаж задней гребни проигнорировал команду «Корма – право» (прижаться к «клыку» левым бортом), и плот, развёрнутый передней гребью, наехал правым бортом на крайний валун гряды, перегородившей пол-Чуи.

Мне пришлось выскочить на валун и столкнуть в слив переднюю часть плота. Вернувшись на палубу, я обнаружил, что экипаж и моей гребни тоже перестал работать.

- ...! ...? – вежливо спросил я.

- Это! Как его? – мешает! – ответил Степана и показал пальцем под лопасть.

Там из пены торчала голова Бори, который согласно штатному расписанию должен был находиться на корме. Оглянувшись, мы увидели, что остальные члены команды лежат на палубе, задрав гребь.

Тем временем неуправляемый плот направился к обломку скалы на повороте русла, в честь которого первопроходцы, похоже, в жизни е видевшие бегемотов, назвали порог. Мне, имевшему в аттестате пятёрку по зоологии, обломок всегда напоминал голову вынырнувшего из реки носорога. Но благо, что Боря отчаянными саженками исхитрился подплыть к плоту до столкновения. Освежившись вешней водичкой, он бодро замахал задней гребью, и мы счастливо увернулись от каменного зверя.

Вторая ступень была пройдена без приключений, и впереди оказался левобережный пляж, сплошь заставленный плотами.

Не желая парковаться в такой тесной обстановке, я решил причалить заранее.

Но тут учудил чалящий – Женька. Не успели мы толком подгрести к берегу, как он выпрыгнул с чалкой за борт и, не достав ногами до дна, поплыл за плотом.

Пришлось парковаться среди плотов. Благо вид нашего плота

напугал какую-то припозднившуюся команду. Они мирно возились с надувным плотом (ПСН), когда его атаковал наш бешено махающий гребями корабль. В ужас их привели электрический утюг, болтавшийся на подгребице, и человек, которого мы волочили на верёвке по реке. Подхватив своё судно, команда выскочила на трёхметровый обрыв и оттуда настороженно следила за нами, опасаясь преследования.

Мы же заняли освободившийся плацдарм, выловили чалящего и послали его на обрыв закрепить чалку. Взяраясь, он спугнул-таки команду ПСН, и они унеслись в надвигающиеся сумерки с криками:
- Жмурик идёт!

Что касается утюга, то его вместе с гантелями незаметно положили в рюкзак Степаны заботливые соседи по комнате. Это было так называемое табу, которое согласно традиционным верованиям туристов следовало подложить кому-нибудь другому, но ни в коем случае не выбрасывать. Степана так и пытался сделать. В нашей команде все были начеку, и он дважды пробирался в лагерь Крафта, чтобы подложить его людям гантели. А утюг – не успел, вот и привязал за шнур к подгребице.

Утром мы издалека наблюдали старт длинной дистанции. Первым ушёл флагманский плот, груженный судьями. Потом начали по очереди стартовать плоты участников соревнований. Постепенно пляж опустел, и на нём осталась только команда «Томск-2», вошедшая в историю как первая команда, опоздавшая на первые в истории соревнования «Чуя-ралли».

Тогда наш юный гитарист Степана (в миру – Алексей Степанов – сын первого секретаря Петропавловского обкома КПСС) впервые увидел крепкого усатого парня в очках и штанах-«ползунках». А через десять лет с песней «Про Михал Юрьевича» Степана стал лауреатом Всесоюзного фестиваля самодеятельной песни в Алма-Ате. Но это уже другая история.

Глава 2.

Записки пятнадцатилетнего юнга Кости Кречетова (Барнаул, 1976-79 г.)

В начале девяностых годов XX века мне довелось оказаться в холле гостиницы Магнитогорского металлургического комбината и смотреть на экран телевизора. По первой программе начиналась популярная в то время передача «Клуб кинопутешественников». Вёл её знакомый Миши Колчевникова – Юрий Сенкевич.

Началась заставка: в кружочках на экране появлялись картинки, снятые в интересных уголках нашей планеты. И вдруг я увидел внутри очередного кругляшка плот Колчевникова в пятиметровых валах Аккемского прорыва Катуня. Передней гребью махали ваш покорный слуга и Костя Кречетов.

То были кадры из фильма американской телекомпании ABC о работе одной командой российских и американских плотогонов на порогах сибирской реки. Я побежал к телевизору, начал тыкать пальцем в экран и кричать снабженцам, командированным в Магнитогорск со всей России:

- Смотрите! Это мы с Костей!

Обидно, что в Америке Костю узнали 60 миллионов зрителей телеканала ABC, а в России – всего несколько снабженцев, не успешных опохмелиться после сложных переговоров о поставках металла. Историкам же Костя должен быть интересен как летописец, оставивший своим потомкам воспоминания о туристическом Барнауле второй половины семидесятых годов прошлого века, которые и приводятся ниже.

Барнаульский турклуб (1976-77 г.).

Сбор членов клуба по средам в 18.00 в здании на Ленинском проспекте. Всё происходило в одной большой комнате и выглядело как некий зоопарк. Странные люди - водники, горники, пешеходники и т. п. - странной внешности, со странными разговорами и со странными для впервые попавшего сюда подростка вопросами и ответами толпились и общались одновременно. Курили на улице, но почему-то запах табака витал везде. Кто-то, видимо, приносил спиртное. По крайней мере, некоторые туристы куда-то уходили

маленькими компаниями, а потом возвращались, горячо споря о тонкостях прохождения маршрутов, но безобразно пьяных никогда не было!

В клубе висели стенды с фотографиями походных эпизодов. Особенно жуткое впечатление производили снимки прохождения реки Башкаус. Популярностью пользовалась «Библиотека отчётов о походах». Отчеты активно просматривали, переписывали, обсуждали завсегда и постоянно обитатели этого заведения.

Как мальчику, мечтающему о дальних странствиях, вклиниться в эту касту настоящих гуру туризма? Подойти и сказать им:

- Дяденьки! Возьмите меня в поход!

Гуру будут искренне смеяться. Нужны знакомства, рекомендации.

«Нехорошая» квартира

Наконец я получил рекомендательное письмо от брата Юрия Кречетова – мастера спорта по водному туризму и активиста Томского турклуба. Письмо было адресовано некому Колчевникову М.Ю.

На следующий день я направился по указанному адресу на улицу Интернациональную, дом № 135, - в квартиру, которая круто меняла судьбы тех, кому довелось проникнуть в неё в те годы...

В «нехорошей» квартире никого не было. Я сел во дворе на лавку и мучительно решал – ждать или не ждать, пока к подъезду не подошли трое бородатых дядек в болотниках и штормовках. Наудачу я подошел к бородачу, показавшемуся мне добрым и благородным, каким в моём представлении должен был оказаться Колчевников, и сунул ему письмо.

Бородач взял письмо, прочитал, хрюкнул и молвил, что М.Ю. Колчевников – не он, но брата моего он знает. Поэтому я должен приехать через три дня на реку Барнаулку, чтобы помочь в судействе соревнований по технике водного туризма (ТВТ) на байдарках. Так что с первого раза попасть в «нехорошую» квартиру мне не удалось.

До этого я никогда не ночевал в палатке. Для теоретической подготовки к этому ответственнейшему испытанию мне представлялось логичным ознакомиться с туристической литературой. Но с ней был большой напряг. В магазинах удалось купить только альманах «Ветер странствий».

В результате внимательного прочтения я сделал вывод, что помимо палатки не помешают спальник, тёплые вещи и две (?) пары обуви. В единственном спортивном магазине «Старт» я скупил весь имевшийся в наличии туристический ассортимент: спальник, представлявший собой тоненькое одеяло на молнии, штормовую куртку из ткани цвета хаки, впитывавшую воду, как промокашка, и круглый котелок.

В этом снаряжении я явился на Барнаулку и сразу попал в руки

Галя, жены Шамиля Сибирзянова – ближайшего сподвижника Колчевникова. Галя сняла с моей головы котелок, который я по неопытности принял за защитную каску туриста-водника, поставила на ворота и объяснила, как судить.

Всё судейство моё прошло в мучительных попытках угадать среди бородатых дядек Колчевникова М.Ю. Пришлось спросить об этом Галю, собиравшую судейские протоколы.

- Мишка, что ли? Да вот же он! – сказала Галя и показала на усатого очкарика в «ползунках» (брезентовых штанах с лямками), который давно стоял рядом и задглядывал в мои судейские записи.

Так мне удалось получить официальное приглашение в «нехорошую» квартиру. А то, что человек, пригласивший меня в гости, станет явлением и эпохой водного туризма в мировом масштабе, не представляли тогда ни я, ни Галя, ни сам усатый дяденька в очках и «ползунках».

Квартира Колчевниковых представляла собой малогабаритную двушку на третьем этаже в послевоенном доме. Вечно занятый гостями туалет напоминал домик кума Тыквы из сказки о Чиполлино. Колени посетителя торчали в крохотном коридоре и не давали дверям закрыться. Душ и маленькая кухня.

В большой комнате располагались стол, диван, сервант, клетка с канарейкой и полка, на которой стояли многочисленные «походные медальоны». В то время у плотогонов был обычай в конце маршрута отпиливать от рукоятки гребни кружок. На нём на память о походе расписывались все участники. Водники гордились ими, как индейцы добытыми скальпами.

Ещё была комната сына Андрея. Посторонних в неё не пускали, и в ней же скрывались хозяева, когда им надоедали засидевшиеся гости.

Кроме Светы, Миши, Андрея и канарейки в квартире проживали сиамский кот Сёма и кобелёк – дворняга Тяпа.

Тяпа был очень смекалистой псиной. По свидетельству очевидцев, он ходил на соседнюю улицу, садился там в трамвай и ездил к своей подружке, проживавшей через три остановки.

Сёма отличался скверным характером. Он кусал Свету, если та не успевала дать ему порцию минтая. Если Светы не было, мог таким же способом потребовать минтая у кого-нибудь из гостей. Мишу и Тяпу он побаивался.

А вот к канарейке котяру сильно тянуло. Миша по-мужски объяснил Сёме, что нельзя лезть к птичке, и кот при хозяевах делал вид, будто она его не интересует. Зато когда Мише или Свете удавалось тихо войти в квартиру, они заставляли Сёму сидящим на подоконнике и обнимающим клетку всеми четырьмя лапами. Котик влюблёнными глазами смотрел на канарейку, мурлыкал и пробовал перегрызть разделяющие их прутья.

Когда Колчевниковы уходили в продолжительные походы, сына Андрея с Тяпой отправляли к бабушке в Бийск, канарейку отдавали соседям, а вот Сёму никто брать не хотел.

Помнится, участник команды архитектор Пелевин не успел за-

кончить очередной типовой проект и вынужден был отказаться от участия в походе. Миша уговорил его приютить Сёму на месяц.

Нести кота за пять кварталов поручили мне. Мы всей командой пробовали и посадить его в сетку-авоську, и спеленать, как младенца, в тряпки. Но дикая тварь так рвалась наружу, что было заранее ясно, что на улице она обдерёт меня в лоскуты и убежит.

Наконец Боцман предложил свой новый анорак – брезентовую куртку с большим нагрудным карманом на молнии. Он собственноручно сшил его из чехла от теодолита. Я надел анорак, растопырил карман, а Михаил Юрьевич и Боцман, надев на руки верхонки, стали заламывать Сёме лапы за спину и пихать его в отверстие. Через пару минут борьбы нам удалось закрыть карман с котом на молнию.

Уже на лестничной площадке сквозь вопли Сёмы я услышал голос Боцмана:

- Смотри, чтобы он в карман не насрал!

Но Сёма, похоже, тоже услышал и постарался на славу! Уже в походе ребята, стоя рядом с Боцманом, брезгливо дёргали носами и интересовались:

- Слышь, отколь это волочёт?

Их нравы

Благодаря рекомендательному письму на майские праздники я попал в свой первый поход на реку Чую. Мои походные впечатления начинаются в полночь - с посадки на поезд Барнаул – Бийск (известный в народе как поезд на Рио-де-Биеска).

И первая поразившая меня деталь была похожая на ракетку плаستيновая бутылочка из-под польского яичного шампуня, висевшая на шее у Михаила Юрьевича. Это был водонепроницаемый «кисет», сверху набитый махоркой и резаной бумагой.

Тогда же я познакомился с кемеровскими участниками группы. С ними приехал кинооператор Кузбасского телевидения, у которого «кисет» Михаила Юрьевича породил тревогу.

- Егор, надо бы курева купить, – приставал он Виктору Егоровичу Зайцеву (Егору).

ОднокурсниК Колчевникова Егор носил аккуратную шкиперскую бородку и напоминал дореволюционного интеллигента.

В Акташе купим «Мальборо» или «Кэмел!» – спокойно заявил он.

Ошарашенный оператор задал резонный вопрос, откуда в рабочем посёлке возьмутся такие сигареты. Не моргнув глазом Егор врал, что пастухи, перегоняющие скот из Монголии, провозят контрабанду. За границей они подвязывают под брюхом сарлыков блоки с сигаретами и продают их в Горном Алтае по доступным ценам. У самого Виктора Егоровича в рюкзаке было спрятано двадцать пачек «Нищего в горах», так курильщики звали «Памир» - самые дешёвые сигареты без фильтра.

Потом, когда группа выгрузилась около посёлка Чибит, довер-

чивый оператор, вместо того чтобы выбирать красоты для съёмки, крутил головой в поисках обещанных блоков. Наконец поняв, что остался без курева, он тихо сказал Виктору Егоровичу:

- Ну, Егор, ты и сучара!

Этого момента все ждали. Дружный смех и обещания жертвовать жирные бычки сыпались со всех сторон. Жирные бычки – большие окурки - тогда называли «быкенабурами» по созвучию с фамилией знаменитого немецкого футболиста Бекенабуэра.

Следующие яркие воспоминания связаны с перемещением группы к месту начала сплава на маленьком рейсовом автобусе ПАЗе. Подобная ситуация потом повторялась из года в год, отличаясь лишь мало существенными деталями.

Как правило, пассажиры и водитель были недовольны неудобствами от огромных рюкзаков, наваленных в проходе и на задней площадке.

Чтобы сгладить накалённую обстановку, на первой площадке появлялся участник с армейской фляжкой. Во фляжке было так называемое ракетное топливо - технический спирт довольно плохой очистки. Делегат от имени группы извинялся за неудобства и предлагал выпить мировую – по колпачку спирта (разбавленное водой «ракетное топливо» было уж совсем ужасно).

Женщины, пригубив колпачок, понимали, что напиток – не дамский, и отказывались. У мужчин текли слёзы, но, чтобы как-то скрасить долгую дорогу, они с нарастающей охотой принимали и второй, и третий колпачок.

Мне ещё не пьющему школьнику, запомнился некий дядя Карп, который после третьего колпачка стал очень разговорчивым и рассказал всем, что едет в Чибит помочь по хозяйству зятю. Но потом, как объяснил Виктор Егорович, с ним случился «возврат каретки» (каретка печатной машинки, дойдя до края строки, автоматически возвращается на начало новой). Дядя вдруг встал в проходе задом к водителю схватился за поручни, свёл глаза вверх к переносице и застыл в этой позе. Было непонятно, то ли ему очень хорошо, то ли он собирается умереть, но, кроме меня, это уже никого не тревожило.

Коренные алтайцы упирались головами в окна и отбивали лбами и затылками барабанную дробь на кочках и поворотах.

Подобревшие тётки развязывали сидоры (заплечные мешки) и угощали салом.

Примерно в районе села Онгудай загребной плота Колчевникова и маркшейдер угольного разреза Валера Столбов вдруг затянул бесконечную песню про молодого коногона, затем со слезой в голосе прочувствованно исполнил куплет:

- Это Клим Ворошилов и братишка Буденный
Нам свободу даруют, и их любит народ.

Концерт группы Колчевникова завершила исполненная хором популярная в те годы «Ван, ту, сри – казачок!».

Хуже всех было шофёру. Единственный трезвый мужик, он не знал, злиться ему или смеяться над происходящим.

В посёлке Чибит встречающие родственники, матерясь, отле-

пляли дядю Карпа от поручней и выносили в дверь автобуса, как большой лист фанеры. Звучал местный говор:

- Напился в раскаматку.
- Очапается ли к утру?
- Ведра стоят, огород копать надо!
- Хоть бы очапался.

- Навряд ли очапается - сочувственно качал головой мудрый Колчевников.

Из походного быта меня впечатлило, как в команде поддерживали санитарное состояние прилегающей к лагерю территории. Кроме предписанных наставлениями по туризму должностей завхоза, казначея, санинструктора, ремонтника и т. д. Михаил Юрьевич ввёл избобретённую в Томске должность начгава.

Начгаву надлежало следить, чтобы в радиусе сорока метров от лагеря не было человеческих экскрементов. Колчевников делал деревянный циркуль землемера, который торжественно вручал вечером у костра участнику, назначенному на эту должность.

Человек, уличённый в нарушении «правила сорока метров», получал в наказание внеочередное дежурство. Поощрялось доноительство и явки с повинной.

Моё мнение, что это шутки весёлых дяденек, было развеяно на второй день строительства. Когда на стапелях стояли почти готовые плоты и всем хотелось закончить работу до темноты, кто-то из бдительных кемеровчан заметил подозрительную кучу, которая, по его мнению, располагалась в тридцати девяти метрах от лагеря.

Была сыграна тревога. Все побросали топоры и бросились активно проводить следствие. Замелькал циркуль землемера. Кемеровчане наперебой докладывали начгаву, кто из барнаульцев отлучался в эту сторону. Барнаульцы давали показания о подозрительных перемещениях кемеровчан.

Наконец Колчевников постановил – считать подозрительную кучу происками местных жителей, а внеочередное дежурство назначить начгаву с формулировкой «за неполное соответствие занимаемой должности».

С какой тоской я вспоминал это ритуальное проявление групповой гигиены, когда через несколько лет в чисто мужской команде Колчевникова брезгливых шахтёров постепенно сменили учителя физкультуры. Они изучали физиологию организма в институте и считали, что её проявления совершенно естественны в любом месте.

Миша тогда пытался силой отстаивать культурные традиции и назначил начгавом самбиста Шуру – студента Кемеровского института культуры. Но Шура оказался идейным засранцем, и циркуль землемера навсегда исчез из снаряжения команды Колчевникова.

Свой первый сплав я помню очень сумбурно, видимо, потому, что не очень представлял реальную опасность, и бушующие вокруг волны впечатляли, но не пугали. Более опытные участники были крайне суеверны, соблюдали всевозможные ритуалы. Первое время я думал, что они прикалываются, но с возрастом понял, что всё

гораздо сложнее.

Все много курили. Курили, когда бросали в реку палки, чтобы посмотреть направления и скорость струй в пороге. Курили перед отчаливанием. Я обратил внимание, что даже у Колчевникова заметно дрожали руки при скручивании самокрутки.

После прохождения порога – опять перекур с разборами и выводами. Вечером у костра говорить о сплаве было не принято, чтобы не будоражить нервы на ночь глядя. После ужина никто не расходился. Ставили на огонь новое ведро воды, закуривали и в ожидании нового чаепития обсуждали разные философские вопросы.

Например, является ли грузинский чай чаем в прямом смысле этого слова или изменяют ли им жёны в данную минуту? При этом кузбасские шахтёры начинали почему-то картавить и называть оппонентов батеньками:

- Да вы мелкобуржуазный эгоист, батенька!

Бывало, Егор, попыхивая в темноте «Нищим в горах», тихо говорил мне, показывая на кого-нибудь из спорщиков:

- Слушай, а тебе не кажется, что он голубой?

- Нет! Он женат, и бабник-хвастун! – искренне возражал я.

- А ты присмотришь, Костя. Они ведь шифруются, – загадочно ухмылялся Егор.

И я непроизвольно начинал следить за парнем и действительно обнаруживал в манерах и поведении ничего не подозревавшего шахтёра подозрительные признаки.

Такое было славное время! Куда только оно подевалось?..

Глава 3. Тропинка в лесу

В то славанное время, когда Миша Колчевников вторгся в туристическую жизнь Барнаула, на окраине города в школе посёлка Южно-го, сеял разумное, доброе, вечное учитель физики Володя Коровяков.

Во время школьных каникул он выводил детей в походы по родному краю. И многие из его воспитанников на всю оставшуюся жизнь полюбили не только правило буравчика и закон Гей-Люссака, но и заразились тягой к скитаниям по горам и рекам.

Окончив школу, поступив на работу или в институт, они продолжали ходить в походы со своим учителем, пока он не прогонял их, чтобы освободить место для новых учеников. Два таких переростка прославились на весь Барнаул, наглядно продемонстрировав своим поступком, что турист – водники круче горников, альпинистов и вообще всех на свете!

В то время как группа В. Коровякова строила плоты для сплава по Катунь от подножия Белухи, эти уваливавшие от рутинной работы молодцы совершили – между делом восхождение на высочайшую гору Сибири (4506 м) и оставили на вершине записку следующего содержания:

- «Группа водников, проходящая маршрут II категории сложности по Верхней Катунь, совершила радиальный выход на господствующую вершину. Привет всем! Андрейка и Кешка (число, месяц, год)».

Два школьных товарища – Андрейка Иванович и Кеша (Игорь Пермяков) – потом чем только не прославились. Они – и участники походов – призёров чемпионатов СССР и России, и основатели Южного клуба каякеров, и заслуженные путешественники, и чемпионы «Пнёвых мемориалов» в Тогулёнке, и надёжные спасатели МЧС. Но первые лучи славы им принес первый категорийный водный поход.

Горные туристы, снявшие записку с Белухи, были до глубины души возмущены её издевательским содержанием и особенно безрассудным поступком Андрейки и Кешки, который реально мог закончиться гибелью безумцев. Они требовали от Федерации туризма примерно наказать участников радиального выхода и их руководителя.

Но Миша Колчевников, отвечавший за водный туризм, лишь весело ехидничал:

- Ой, ой! А что такого? Радиальный выход на господствующую вершину. У водников это обычное дело – перед сплавом по Верхней

Катуни для разминки взобраться на вашу гору. Они же не знают, что для вас это – предел мастерства.

Позднее Андрейка Иванович раскрыл мне правду. Оказывается, на посту спасателей их ждал знакомый опытный альпинист. Опыт его сводился к паре неудачных попыток взойти на Белуху. Они поднимались по самому простому маршруту. Под вечер им навстречу попала группа альпинистов, которая поднималась со стороны Казахстана и из-за непогоды промахнулась мимо вершины буквально на пару сотен метров. Девчонки из этой группы искренне обрадовались, обнаружив среди снежной тучи наших молодцев. Тут опытный альпинист заявил, что в такую погоду альпинисты на Белуху не ходят и надо тоже поворачивать вниз. Спускаться уже не было сил, и они заночевали, поставив палатку под первым попавшимся сераком.

Незадолго до рассвета неотложная нужда заставила Андрейку вылезти из палатки. Обнаружив над собой безоблачное небо с огромными звёздами, он разбудил опытного альпиниста и потребовал немедленно начать восхождение.

Опытный альпинист не хотел просыпаться, хныкал, что ему «надо выпить чашечку кофе, принять ванну». Андрейка выволок его в спальнике из палатки и – со словами:

- Вот кофе, вот ванна! - облил остатками чая из котелка.

Но опытный альпинист быстро скрылся в глубине спальника и снова захрапел. Зато на шум высунулся из палатки Кеша и увидел, как низко над головой Андрейки висят звёзды.

- Не махай котелком, а то звезду собьёшь. Пошли лучше на гору, пока снега нет! – предложил он.

Наскоро одевшись, они побежали по свежему следу и с первыми лучами солнца оказались на вершине Белухи.

Примерно в те же годы в посёлке Южном объявился будущий чемпион СССР – Александр Русанов. А начинал Саня свою карьеру водника подводником на атомной субмарине в городе Северодвинске. Там он совершил своё первое погружение, там он целовал кувалду и выпил кружку забортной воды. Там попал в турклуб и прошёл несколько походов на байдарках по рекам Архангельской области.

После производственной практики в Северодвинске Саню направили строить субмарины на берегах Барнаулки. Как справедливо полагали в ЦК КПСС, никакое ЦРУ не догадается, что советские подлодки подобно лососям вылупляются на свет божий в маленькой речушке, затерявшейся среди лесов и степей Алтая.

После ненавязчивой красоты южного побережья Северного Ледовитого океана леса, степи и даже маленькая речушка просто очаровали Саню. И только одно выводило из себя молодого подводника. Мазуты сухопутные, населявшие посёлок Южный, совершенно не понимали, почему подводная лодка то тонет, то всплывает.

Обычно эту научно-техническую проблему они обсуждали в общественной бане - под пиво и закуску.

- Сашок, вот ты умный - кувалду целовал! Так объясни сибиря-

кам, – вопрошал какой-нибудь мазут, постукивая вяленным лещом по скамейке. - Если подлодка не тонет, то получается, что она – дерьмо. А если тонет, то – недерьмо. И как же она превращаемся из одного в другое, когда погружается и когда всплывает?

Саня пытался что-то объяснять, погружая в тазик с водой пустые и полные банки пива. Но бесполезно. Через неделю очередной мазут тащил к нему свой тазик, банку пива и просил показать, как подлодка всплывает.

Слухи о том, что в бане посёлка Южного матрос, чудом спасшийся с затонувшей атомной субмарины, проповедует закон Архимеда, быстро распространились по городу. В конце концов даже местный учитель физики Коровяков обратил внимание, что любой двоечник в округе знает про древнего грека, выпившего много пива в ванне. В конце концов Володя захотел лично познакомиться с Русановым.

Встретив мазута, знающего, как всплывает подлодка, Саня радовался, будто обнаружил собрата по разуму на чужой планете. Решив тоже удивить Коровякова, он рассказал учителю, что там, на далёком Севере, настоящие подводники погружаются в маленькие речушки не в атомных субмаринах, а в брезентовых лодочках – байдарках.

Но школьный всезнайка оказался в курсе. Более того, узнав про Санину туристскую юность, Коровяков предложил принять участие в весенней экспедиции команды Колчевникова по рекам Урсул и Катунь.

Схватив банку пива, поднесённую очередным мазутом, Саня прямо из бани побежал к своему бригадиру Володе Матвееву – отпрашиваться с работы. Тот, к своему несчастью, оказался не в курсе, что это такое - байдарка. Пришлось объяснять – опять же с помощью банки пива. В результате бригадир тоже захотел погрузиться в какую-нибудь речушку в маленькой брезентовой лодочке.

Нет ничего печальней осуществлённой мечты. А осуществилась она на Катунь (благо хватило мудрости обности байдарку мимо нижнего ущелья Урсула). Саня после этого случая несколько лет ни о чём не мечтал. В той экспедиции уйти под воду пыталась не только байдарка, но и плоты. Вот что написал водник Русанов, чудом спасшийся с погибшей байдарки, о событиях тех дней:

«На Катунь вода была очень большая. Больше я такой не видел. Байда шла между первым и вторым плотами. В районе притока Каянча мы с Вовой легли и, не имея представления об эскимосском перевороте, поплыли рядом с байдой. Её поставило на попа, и, как поплавок, она то погружалась, то выпрыгивала из-под воды.

Чалка выпала из петли и намоталась мне на ногу. Увлекаемый её рывками, я тоже начал – то погружаться, то пытаться выпрыгнуть из-под воды. Во время очередного всплытия я заметил огромный валун у ближайшего берега и отчаянно рванул к нему. К счастью, течение помогло мне попасть в улово за этим валуном, где потом долго крутило, пока я не заполз на него с байдаркой на ноге.

Валун так сильно нагрелся на солнышке, что моя мокрая одежда

зашипела, и я начал подпрыгивать над ним, как рыба на сковородке. Пар над рекой привлёк внимание Вовы и Бори Канакова (капитана страховавшего нас плота). Они уже долго рыскали по разным берегам в поисках пропавшего меня.

Боря обрадовался нашей встрече и, чтобы больше не искать меня, предложил сплавляться дальше на его плоту, но только если я избавлюсь от байдарки. Можно сказать со слезами на глазах я отвязал от него брезентовый мешок с обломками стрингеров, форштейней, шпангоутов и подарил его Вове. Так закончилась моя байдарочная жизнь и началась плотовая.

И началась она с порога Тельдыкпень-I в ну очень большую воду!

Естественно, в скальном сужении – ну очень большие пульсирующие воронки! Сперва я обрадовался, что мы с Вовой не вплыли сюда на байдарке, но, увидев, как Мишины хвалёные плотогонцы зачесали черепа, понял – радоваться нечему!

Миша загнал на плот Славу Пелевина, Шамиля и ещё кого-то, и они отчалили. Метров за триста начинают отгрести от прижима на входе в порог. Машут гребями, а толку мало. Так и падают на отбойном валу в водоворот под левым берегом.

Воронка засасывает корму. Нос плота поднимается метра на полтора–два над водой и, проворачиваясь против часовой стрелки, ползёт по береговой скале. Миша и Слава вдёргивают переднюю гребь и на четвереньках бегут вверх по настилу, пытаются выскочить на берег, но не успевают. Плот делает оборот на 360 градусов и плюхается носом на воду. Так – с экипажем на четвереньках и выдернутой гребью – он шарахается от берега к берегу до конца порога.

Увиденное зрелище произвело на нас удручающее впечатление. Все живо обменивались нецензурными деепричастиями и наречиями. Наконец Боря обречённо вздохнул и сказал:

- Ну! Пошли, что ли?

Мы, как по команде, пошли на ватных ногах к плоту мочиться. Потом кидали здоровенные брёвна в реку и смотрели, как их уносит под левый берег. Потом покурили на дорожку и, крестя лбы, отчалили.

На удивление проходим, слегка замочив ноги. Конечно, водяные бугры и ямы постучали нами по стенкам, но как-то обошлось. Видно, из-за своих предстартовых ритуалов удачно попали в фазу пульсаций воды в пороге»...

Дальнейшие события того дня запомнились в разных вариантах всем участникам. Их изложение приведу в виде рассказа, обобщающего воспоминания нескольких очевидцев.

Первое, что увидела команда Бори Канакова, причалив рядом с плотом Колчевникова были, выплывающие из Тельдыкпеней гондолы плота Боцмана (Юры Заикина).

- Домудрил, старичок! А ведь я говорил ему - не умничай, не умничай... - запричитал Миша.

Дело в том, что творческая жилка не давала покоя Боцману. В тот поход он привёз на испытания изобретённые им сборную ме-

таллическую раму плота и гондолы из шахтных рукавов с вставленными в них полиэтиленовыми трубами.

Естественно, что при виде этих гондол барнаульцы решили, что команда кемеровчан утонула в пороге вместе с металлической рамой. Но погоревать им не дал голос Боцмана, раздавшийся, как всем показалось, откуда-то с небес!

- А я и не умничаю! Мы решили – пора прекращать сплав.

Надо уезжать отсюда. Вон и автобус за нами едет!

Боцман стоял на дороге над плотами и показывал пальцем на приближающийся пазик. Автобус оказался рейсовым – с Горно-Алтайска до Эдигана и Куюса.

Шофёр согласился за «ракетное топливо» подбросить до Чемала. Но надо было подождать часа три, пока он сгоняет в Куюс и обратно. Время – как раз, чтобы быстро разобрать плоты. Вспомнив, что сегодня 9 Мая, участники экспедиции тоже потребовали по колпачку – «За Победу!» и начали собираться.

Через три часа подъехал пазик. Распахивается дверь кабины, и на свет божий является совершенно пьяный шофёр.

- Уважаемые пассажиры! Приветствую вас на борту автобуса, совершающего рейс по маршруту Куюс – Эдиган – Чемал! Желаю вам приятного полёта. Командир корабля, горный водитель I класса - Гастелло Покрышкин! – продекламировал он и выпал на землю.

- Требуется дозаправка! – заявил он озадаченному Колчевникову.

- Ну куда тебе ещё? – попробовал возразить Колчевников.

- Полный бак, или не полечу! – заявил шофер и протянул кружку.

Пока грузились, сбежал пёсик водителя. Видно, чуя запах хозяина, пытался спасти свою жизнь. Целый час гонялись за собакой.

Благодаримие пёсика побудило Колчевникова пойти на хитрость ради безопасности участников. Увидев, как резко рванул по-над пропастью пазик, а вся протрезвевшая вдруг команда надела на головы каски, Миша предложил шофёру перейти в салон – праздновать День Победы. За руль уселся дальнобойщик Женька Кудряшов.

Но не успели выпить за легендарных лётчиков, как выяснилось, что тормоза у этого автобуса срабатывают то ли с третьего, то ли с пятого раза, и Женька, едва не улетев в Катунь, сам попросился в салон.

Заняв своё место, раздосадованный шофёр вдруг вспомнил, что везёт туристов, которые всегда что-то поют, и потребовал песен. Слава Пелевин с надрывом запел свою любимую «Солдаты группы «Центр», но водила подбросил его со всей задней площадкой и потребовал:

- Пой «Тропинку в лесу»!

- Тропинка в лесу, – наугад начал Слава и толкнул Колчевникову.

- Пропахла весной. Земля разомлела от ля, ля, ля, ля! – запела Света.

- Сегодня любовь прошла стороной, а завтра ты вновь повстречаешься с ней! - неожиданно прочувствованно вступил хор маль-

чиков.

И тут шофёр бросает руль, поворачивается лицом к хору, начинает дирижировать и вдохновенно петь:

- Не надо печалиться! Вся жизнь впереди!

Вся жизнь впереди! Надейся и жди!

Автобус съехал с дороги и вприпрыжку поскакал стороной. Мужики тоненькими голосами запели припев, как последнюю молитву.

Глава 4. Город вечного праздника

В 1980 году я вернулся в город моего детства Барнаул. Кроме чемодана, набитого всякой житейской ерундой, у меня было две вещи, которые и определили мою дальнейшую судьбу. Во-первых, я имел устную договоренность о работе в Алтайском научно-исследовательском институте технологии машиностроения (АНИ-ТИМ). Во-вторых, в кармане моего пиджака лежал драгоценный клочок бумаги – рекомендательное письмо от гляциолога Сергея Харламова.

Серёжа до того как приехать работать в Томский университет жил в Барнауле и был участником в команде Колчевникова. В своём послании он написал:

*«Миша, прими его в свою А%!
Твой Викентиевич»*

Полагая, что загадочное «А%» означает «компания алкоголиков», я сунул в карман бутылку водки и направился на ближайшее заседание Барнаульского клуба туристов.

В восьмидесятые годы самостоятельные туристы собирались по понедельникам в здании Краевого совета по туризму и экскурсиям на площади Спартака. В двух комнатах, коридоре, на улице и почему-то у туалета деловито толпилась обветренная и давно не стриженная публика, напоминающая популярных в те времена геологов-романтиков.

Колчевников сидел за столом в дальней комнате и изредка подкакивал кудрявому хлопчику с пронзительными голубыми глазами и пшеничными чапаевскими усами. Хлопчик яростно спорил о чём-то с высокой статной дивчиной, время от времени кидая перед ней свою лыжную шапочку. Мне показалось, что хлопчик вымогает у дивчины деньги, а она – ни в какую!

Позднее я узнал, что дивчина та была Галина Пантюхова - штатный инструктор Краевого совета, выделенный для работы с самостоятельными туристами. А хлопчик – Валера Болотов, - сподручный Колчевникова.

Скорее всего, я стал невольным свидетелем неудачной попытки выбить профсоюзные деньги на первопрохождение рек Кумир, Коргон или Самульта, к которым готовил молодёжь команды Колчевникова спортсмен-лыжник Болотов. По крайней мере, момент для вручения послания с «далёкой прародины» был явно не самым

удачным.

Колчевников прочёл текст и недоумённо уставился на меня, то ли силясь понять, что означает загадочное «А%»; то ли пытаюсь вспомнить, кто такой Викентиевич.

Желая как-то прояснить ситуацию, – я похлопал себя по оттопыренному карману с бутылкой и заговорщицки подмигнул.

- А! Так ты из Томска! – наконец догадался Колчевников.

- Да. Вот переехал в Барнаул.

- Какой опыт?

- Первый разряд по водному туризму. Руководство четвёркой - Саянский Казыр - с прохождением нехоженых каньонов между Киштой и Прямым Казыром! – похвастался я, желая произвести приятное впечатление.

Но первопроходец Мажойского каскада и чемпион СССР совсем не впечатлился.

- И куда ты теперь? – видимо из вежливости поинтересовался он.

- В АНИТИМ, – вяло ответил я, поняв, что для приёма в Колчевниковскую «А%» незаявленного первопрохождения недостаточно.

Но странное дело – при упоминании АНИТИМа Колчевников и Пантюхова посмотрели на меня уже с нескрываемым интересом, а усатый хлопчик восхищённо саданул шапкой о стол и заявил:

- Ну, ты даёшь!

- Да ладно! А что такого? – залепетал я, ничего не понимая.

- Глянь, Беликов здесь? – попросил Колчевников.

Валера ловко вскочил на стол и устремил свой знаменитый горячий взор поверх толпы.

- Юрий Фёдорович! – заорал он голосом легендарного комдива. – Немедленно подойдите к инструкторскому столу!

Толпа расступилась, и к столу подошёл двухметровый атлет, похожий на популярного французского актёра Ж. Депардьё.

- Вам на край по лыжному туризму руководитель водной четвёрки не нужен? А то вот тут один в АНИТИМ устроился, - представил меня атлету Колчевников. – А тебе, томич, повезло! В АНИТИМе самая лучшая в городе секция туризма и - рекомендую! – её бесменный руководитель, Пан спортсмен Беликов!

Сдав меня Пану спортсмену, Михаил Юрьевич сунул лыжную шапку в руку Болотову и показал ему пальцем на Пантюхову. Валера перевёл на неё свой горячий взор, и они продолжили дебаты.

- Какие узлы знаешь? – спросил Беликов, подозрительно поглядывая на мой оттопыренный карман.

- «Прямой», «бабий», «булинь» и «штык».

- Негусто.

- Чтобы связать плот, хватает. К тому же бесконечный «штык» бесконечно надёжен! – просветил я Пана спортсмена, не ведая, что он тоже имеет томское образование.

- Твоя есть большой шутник из Томска, – сердито сказал он.

- Да! А что? - печально ответил я, уже догадываясь, что и на край по лыжному туризму мне не попасть.

- Да то, что шутников здесь и своих хватает. Кончают по десять институтов, а «схватывающий» от «брам-шкотового» отличить не могут! На лыжах-то хоть стоять можешь?

- С палками – да, - я с ужасом вспомнил сдачу норм ГТО по лыжам на втором курсе университета, когда без всякой подготовки пришлось проплестись 10 километров в двадцатипяти-градусный мороз. Иначе зачёта по физкультуре не поставили бы.

- Куда устроишься? – без особого интереса спросил Беликов.

- В отдел Сварки взрывом - рассеянно ответил я, не ведая, что это как-то смягчит плохое впечатление, произведённое на Пана спортсмена моим высшим образованием.

- Повезло, самый толковый отдел! Ладно, поедешь в Тогулёнок. Завтра жди Честного Джека.

Я решил, что Честный Джек – это что-то вроде джек-пота - приза, вручаемого паном спортсменом тем, кто может отличить «схватывающий» от «брам-шкотового». Но Честный Джек оказался комсомольским активистом – Женей Ковалевским. Убедившись, что я встал на учёт в ВЛКСМ и заплатил взносы, он повёл меня на склад спортивного инвентаря, где Беликов выдал мне лесные лыжи.

Пан спортсмен сообщил, что пока я зачислен кандидатом в команду АНИТИМа и должен поехать на тренировочные сборы в салаирскую тайгу. Утром в субботу я сунул в карман всё ту же бутылку водки, вскинул на плечо лыжи и поспешил на электричку.

Мой опыт зимних походов заключался в холодной ночёвке в деревянном вагончике коровника в верховьях реки Тугояковки Томской области. Тогда один товарищ нарушил другую мудрость древних туристов – никогда не сушить обувь на костре – и сжёг мой лыжный ботинок. Мороз был страшный. Пришлось надеть на ногу шерстяной носок этого товарища и целлофановый пакет. Затем я прибинтовал бинтом лыжу к ноге и стремительно убежал на станцию, где моя нога в пакете вызвала нездоровый интерес граждан. Вот таких целлофановых пакетов мне и не хватило в салаирской тайге.

Тренировки проводились на склоне высоченной горы. Основной состав отрабатывал элементы соревновательных заданий. А я выпендривался перед девчонками из группы психологической поддержки.

Полчаса девчонки в силу хорошего воспитания терпели моё выпендривание, но потом неторопливым плугом начали спускаться. Не знакомый со столь надёжной техникой, я помчался прямо вниз на параллельных лыжах. Однако, набрав довольно приличную скорость, воткнулся одной лыжей в снег и, кувыркнувшись, затих в сугробе.

Первым ко мне подъехал Беликов.

- Что, скрученный перелом? - участливо спросил он.

- Нет. Всё в порядке!- я встал на ноги перед подоспевшими девчонками и пытался через боль демонстрировать им свою прекрасную спортивную форму.

- Жаль! А то бы отработали транспортировку пострадавшего, –

окончательно разочаровался во мне Пан спортсмен.

После ужина в натопленной избе Беликов играл на гитаре, а девчонки из группы психологической поддержки восхитительно пели бардовские песни. Я, имевший счастье побывать на Грушинском фестивале 1979 года, расчувствовался и закурил за печкой. Но прибежал Пан спортсмен и выгнал меня курить на мороз.

Когда на мороз по нужде вышел Честный Джек, я похлопал себя по оттопыренному карману и предложил погреться. Джек в ужасе отпрянул обратно в избу.

- Да ты что! Туристы не греются! – зашептал он и захлопнул дверь, забыв, зачем выходил.

- Чужой я на этом празднике жизни! – завыл я на луну и звёздное небо.

На следующий день тренировка на горе повторилась. Фактически сразу после неё мы уселись в неотапливаемую электричку.

Все сняли с ног бахилы, переоделись в сухие свитера и опять запели бардовские песни.

А у меня не было бахил на ногах. До того дня я даже не знал об их существовании, а обуться в целлофановые пакеты как-то постеснялся. Вскоре растаявший снег промочил мои ноги, и я дрожал, понимая, что если не выпью немедленно водки, то получу крупозненькое. Так томские водники называли любую простуду – от насморка до пневмонии, которую можно было подхватить из-за мокрой одежды.

Пить водку одному в приличном обществе считалось признаком плохого воспитания. Поэтому я выбрал двух певуний, показавшихся мне наиболее компанейскими, и жестаи пригласил их выйти со мной в тамбур – погреться.

Но певунии меня неправильно поняли, стыдливо покраснели и переместились поближе к Беликову. Там они о чём-то шептались, время от времени показывая мне языки и фиги.

Я забоялся, что сейчас они наябедничают Беликову, и удалился в тамбур, гордо волоча за собой разболевшуюся ногу. Под песни Булата Окуджавы и Юрия Визбора я выл в окно на луну и звёздное небо, пил из горла водку, курил вместо закуски отсыревшие сигареты и клялся погрузить этот непорочный город в разврат и стенания!

Вот так мне посчастливилось попасть в одну из лучших секций туризма всех времен и народов, возглавляемую абсолютно лучшим Паном спортсменом всех времён и народов - Юрием Фёдоровичем Беликовым!

Именно команда АНИТИМа выигрывала в те годы почти все городские и краевые соревнования по основным видам туризма. Но если в лыжном, горном и пешеходном туризме анитимовцы соревновались с заводскими командами моторного, станкостроительного, «Ротора», то в технике водного туризма на реке Барнаулке соперником было колчевниковское детище – команда «Спартак», возглавляемая чемпионом «Чуя–Ралли» - Валерием Болотовым.

И, что характерно, анитимовцы и их бивали! Во-первых из-за вопиющего пренебрежения спартаковцев колясочницами. Поэтому

Честный Джек или Коля Тарсуков с кем-нибудь из толковых певуний обязательно выигрывали соревнования смешанных экипажей байдарки и катамарана-2. Во-вторых, всё тот же Коля Тарсуков, Лёха Бородин и Вова Шиповалов в различных сочетаниях выигрывали мужские байдарку и катамаран-2.

Но если в этих во-первых и во-вторых иногда бывали сбои, то в-третьих - не подводили никогда! В-третьих - агитбригада Алтайского научно-исследовательского института технологии машиностроения, состоящая из певуний, всегда выигрывала конкурс художественной самодеятельности!

Валера Болотов разбил вдребезги не одну лыжную шапочку, доказывая Колчевникову, что пение не является элементом техники водного туризма, но мудрый Михаил Юрьевич совершенно с этим не соглашался и отказывался исключать конкурс художественной самодеятельности из общекомандного зачёта. За это агитбригада в своём творчестве обращалась к образу Михаила Юрьевича и воспевала его в ораториях «Старый член Барнаульской МКК», «Созрела мысль в башке у дяди Миши», «И кричали в реке крокодилы» ...

Честный Джек, Лёха Бородин, певунии Рая и Наташа постепенно составили барнаульский костяк моей группы. Володя Шиповалов позднее стал Паном спортсменом Барнаульского меланжевого комбината.

А вот обладавший звериным чутьём воды Коля Тарсуков был одним из немногих оставшихся представителей цивилизации барнаульских туристов-водников, существовавшей в нашем городе до переезда в него томича Колчевникова. В семидесятые годы Коля сплавлялся в команде Геннадия Кезика.

Я пару раз видел этого – уже тогда былинного - героя. Кезик был высоченный дядька с длинными мощными руками, будто специально предназначенными, чтобы ворочать гребью. Мне он показался не очень разговорчивым и очень суровым.

Возможно, суровость была вызвана тем, что я - отнюдь не высоченный дядька пришёл просить у него материалы по реке Башкаус, и он сомневался, смогу ли я эффективно ворочать гребью в нижнем ущелье Башкауса своими отнюдь не длинными и мощными руками.

Само описание реки было тоже немногословным – типа:

«Преп. № 144 – прошли по струе».

Для нас же прохождение нижнего ущелья Башкауса в дождевой паводок августа 1982 года осталось самым потрясающим жизненным эпизодом. Девять дней на грани жизни и смерти.

Обычно описанием интересуется лишь руководитель группы и капитаны сплавных средств. Но в том походе всех интересовало, что нас ждёт дальше, за следующим отвесным боомом. Особенно после того как наши плот и катамаран-четвёрка не смогли зачалиться перед порогом Капкан и буквально упали в него, а затем и в порог Мясорубка. После каждого ужина я читал вслух отчёт Сажнёва, принёсший его команде I-е место в чемпионате СССР. А перепуганные Джек, Лёха, Рая и другие слушатели просили:

– Почитай на ночь лучше Кезика – не так страшно!

Ещё Геннадий Кезик был известен как персонаж литературного произведения, посвященного освоению Катуня. Если верить автору, то, будучи новичком-чалящим, оставленным сторожить судно во время разведки, он назвал руководителю и прочим «старослужащим» группы взял да и отчалил и в одиночку прошёл на плоту пороги Тельдыкпень-1 и -2.

Но наибольшее впечатление на современников произвело прохождение экипажем плота Г. Кезика порога-водопада Сапожникова на реке Аргут. Точнее, соответствующий эпизод из фильма, снятого профессиональным оператором. Что бы кто бы потом не показал, будь это хоть Индиана Джонс, падающий в рафте с самолёта, - счастливики, видевшие тот фильм, говорили: - М-да! Недурно, но Кезик в Сапожникове - круче!

А вот наше знакомство с командой Миши Колчевникова произошло, можно сказать, в идеальной среде обитания для особей, прошедших естественный отбор в Колчевниковскую «А%». В августе 1981 года место это находилось в Восточных Саянах – на реке Китой.

После первопрохождения второго водопада Верхних Щёк реки Китой, мы гордые своим мужеством и мастерством, не смогли причалить перед входом в остальные пороги ущелья и понеслись вперёд кормой вниз по течению.

Места вокруг были довольно дикие. Поэтому совершенно диким и противоестественным нам показалось, когда на берегу появился бородатый курортник. То, что это - отдыхающий из какого-нибудь необозначенного в лоции профсоюзного санатория, следовало из его раздолбайского вида. Плетёнки на босу ногу, вытянутое в колёнках трико, носовой платок на голове, удочка на плече. Но – самое главное - беспечный тон, с которым он спросил нас, борющихся за жизнь в пене бушующих порогов:

- Откуда вы, ребятишки?

- Из задницы - на лыжах! – зло ответил Бесстрашный Михон (в миру Миша Нищенко), принявший близко к сердцу наше раздолбайское причаливание и потому злой на всех раздолбаев.

Бородатый курортник оказался Шорцем (Евгением Степановым), учителем физкультуры из шорского села Чульжан. Шорец - ныне известный кемеровский путешественник, автор беспримерного проекта «Крест Чульжана» - плана достичь берегов четырёх океанов из этой шорской деревни без использования механических транспортных средств.

До Тихого океана Шорец доехал на велосипеде. До Северного Ледовитого - сплавился на рафте. К Индийскому пошёл на лыжах. Но, ночуя в норах, которые сам рыл в снегу, подхватил настоящее крупознькое и был спасён охотником-шорцем, принявшим его нору за медвежью берлогу.

Как-то на «Чуе-ралли» молоденькая корреспонденточка, делая репортаж для кемеровского телевидения о команде Новокузнецка, спросила Шорца, вылезшего из ледяной воды после соревнований по спасательным работам:

- А вы правда шорец?

Замёрзший Шорец приник к ней мокрым телом и, стуча зубами на телеоператора, просто срезал её своим ответом:

- А вы правда корреспондент?

Но тогда в далёком 1981 году, раздолбая с удочкой самого озадачил ответ сердитого плотогона. Подобно витязю на развилке, Шорец смотрел нам вслед, раздумывая, - идти ли туда откуда мы появились, или повернуть в другую сторону - в лагерь Колчевникова, откуда он и пришёл порыбачить.

Через несколько дней мы нагнали группу Колчевникова на входе в каньон Моткины Щёки, провели вместе весёлый вечер и расстались. Они продолжили штурм порогов Моткиных Щёк. Нам же надлежало совершить обнос участка, не соответствующего заявленной категории сложности.

Весь следующий день после изнурительного перехода к речке Моткингол мы строили катамараны. Под вечер над тайгой вдруг тревожно закружились кедровки, в чаще забегали испуганные звери, а с тропы донеслись жуткие звуки, напоминающие хохот вожделяющей гиены.

Судорога метнулся к палатке за ружьём, но застыл, парализованный увиденным. По тропе в наш лагерь спускался жизнерадостный юноша с огромным рюкзаком, в анорাকে, но без штанов и трусов! Своим хохотом он по-детски выражал радость от того, что видит нас, что наконец-то добрался до стоянки, да и вообще, что жив, что нет дождя, а он такой молодой, сильный и здоровый.

Это был начгав команды Колчевникова Шура Проваторов. Отсутствие штанов он объяснил воспалением страшной потёртости в паху - последствия изобретённой им посадки на катамаране. В его способе нога, находящаяся внутри катамарана, цеплялась за раму не спереди, а ближе к центру. Гребец сидел влоборота - спиной за борт. Если судно начинало переворачиваться, он мог опереться лопастью о воду гораздо дальше в сторону и невероятным напряжением паха поставить катамаран на киль!

Шура показал Судороге свою потёртость и начал жаловаться на Колчевникова, который не разрешил ему пройти порог-водопад на «двойке».

- Парень! Не смотри! Ни заснуть, ни закусить не сможешь! - раздался с тропы голос Михаила Юрьевича.

Он спускался к стоянке в сопровождении нескольких «апостолов» - Боцмана, Женьки Кудряшова, шахтёра Дони. Доня был славен тем, что вместе с Костей Кречетовым первым прошёл на «двойке» чулышманский порог Каша. Специально для того похода он купил кружки, сделал на них надпись - «Чулышман-79» и подарил всем участникам. После победы похода в чемпионате СССР эти кружки стали чем-то вроде медалей и обрели особую ценность. Колчевников шутил:

- Будет что на подушечке перед гробом нести!

К 1981 году такая кружка сохранилась только у Дони. Поэтому, поравнявшись с парализованным Судорогой, Доня сообщил ему то, что он сообщал каждый раз всем, с кем встречался на маршруте:

- Сопрёшь кружку, морду набью!

Судорога перевёл свои ясные честные очи с потёртости на Доню и возмущённо заявил

- Хорош балдеть! «Муху» -то скоммуниздили!

Дело в том, что хариуса тогда ловили на «муху» - привязанный к крючку пучок волос, отдалённо напоминающий насекомое. От «мухи» зависел улов. Удачными «мухами» дорожили, таскали их из похода в поход.

Классической считалась «муха» из шерсти белки. Но ни на Кантегире, ни на Казыре - Судорога не смог добыть белку. Поэтому он долго экспериментировал с волосами участников нашей группы, выстригая пучки из разных волосатых участков тел, пока не остановился на «мухах» из рыжих волос Сашки Непомнящего, исполнявшего в те годы обязанности чалящего – сан-инструктора.

Вот такой «мухи» не считался Судорога после совместного вечера с командой Колчевникова. А беспочвенные подозрения в том, что он благороднейший из Судорог, способен спереть какую-то размалеванную грязную кружку, заставили и его высказать своё мнение – кому тут надо морду набить.

Теперь уже оторопь охватила Колчевникова.

- Да ты... Да, что б мы... - задохнулся он от возмущения. – Да я тебе сто таких «мух» сейчас наделаю!

Миша сбросил рюкзак и выхватил из ножен стропорез.

- Не дам! Сколько можно! – жалобно заорал Шура и, прикрывая ладонями потёртость, убежал в лес.

И опять был совместный весёлый ужин с противнями хариуса и просоленного с луком, и обжаренного в муке на подсолнечном масле, под выдохшую водку и песни о жене французского посла, девушке из Нагасаки и папуаске.

Один противень был завален рыбой, выловленной Михоном и Судорогой. Они были штатными рыбаками, освобожденными от прочих обязанностей. Я с Честным Джеком всё свободное время проводил в разведках порогов. Остальные собирали дрова, разбирали лагерь, готовили остальную еду и чистили рыбу. Мы поделились на болельщиков Михона или Судороги, заключали пари на сахар, кто больше поймает, и те старались.

Остальные четыре противня переполняли рыбы, выуженные командой Колчевникова. В ней почти все были заядлыми рыболовами, а самым заядлым - Михаил Юрьевич.

Утром Миша попросил занять на них очередь в баню на Шумаке. Мы уселись на катамараны и понеслись занимать очередь в баню.

Колчевников облачился в гидрокостюм и спасжилет, закинул на плечо спиннинг и пошёл назад, к Порогу-водопаду, где ждала его эскадра честеров и катамаранов. Миша знал, что у устья Шумака собирается огромное количество пешеходных групп со всего Союза, а в них, как правило, путешествует много юных искательниц приключений, которым за пару недель уже надоели свои вечно потные пешеходники с потёртостями на ногах и спинах.

- На берегу папуаска лежала,

Стройное тело купалось в лучах! - горланил он на всю округу и метал свою «муху» в каждое улово, попадавшееся на пути.

Один водоворот на выходе из очередного порога Моткиных Щёк просто кишмя кишел хариусами, жаждущими зацепиться за Мишину «муху». И Миша забыл и о юных искательницах приключений, и о собственной эскадре, ожидавших его с нетерпением. Он вытаскивал хариуса за хариусом, не задумываясь даже, что их уже некуда складывать.

Охотничий инстинкт заглушил всё. Лишь слабый сигнал из мочевого пузыря надоедливо отвлекал от рыбалки. Похоже, две кружки утреннего чаю просились наружу. Когда вежливые просьбы чая превратились в требования, Миша начал собираться выпустить его после следующей пойманной рыбы.

Но рыба ловилась непрерывно! Миша говорил своему мочевому пузырю:

- Всё! Сейчас. Ещё одна рыба, и снимаю штаны!

Но, вытащив рыбу, не мог удержаться и опять забрасывал «муху», надеясь, что хариусы дадут ему перерыв между поклёвками.

Наконец мочевой пузырь просто возопил от нестерпимой боли. Миша, поняв, что больше не удержит чай, бросил удочку с хариусом, и попытался приспустить штаны. И тут он с ужасом обнаружил, что прежде ему придётся развязывать узлы лямок и шлеи спасжилета, а, сняв последний, надо будет ещё смотать эластичный бинт, подпоясывавший для водонепроницаемости штаны КЗМа (комплекта защитного морского).

Последнее он сделать не успел. Но тёплое чувство облегчения только улучшило Мишино душевное самочувствие.

- А, всё равно сегодня в баню! – вспомнил он и, затянув бинт на штанах, снова закинул «муху» в бурун и радостно запел:

- Крокодилы, пальмы, баобабы – БАБЫ! БАБЫ!

И жена французского посла – ОСЛА, ОСЛА!

Полная гармония человека и окружающего его мира! Не так просто этого достичь! Совсем недостаточно наделать по-маленькому себе в штанишки. Кстати, многие водники из-за гидрокостюмов и неправильного питания делали себе в штанишки и по-большому, но просветления не достигали. Очевидно, для этого нужны были светлые качества Мишиной души!

Например, я в то же самое время всего в нескольких километрах от Миши, бился катамараном о скалы в порогах тех же самых Моткиных Щёк. Рядом сидел Михон и непрерывно гундел, что надо остановиться и порыбачить в водоворотах на выходах порогов. Но, преисполненный своей ответственностью руководителя похода V к. с., я, если и останавливался, то только перед порогами – для разведки и страховки.

Я тоже знал, что в устье реки Шумак в это время мигрируют группы пешеходников. Но тёмные качества моей незрелой души проявлялись в том, что мне в отличие от Колчевникова совершенно не приходило в голову, что юные пешеходницы притопали сюда со

всего Союза, чтобы встретить меня.

И действительно! Вечером у нашего общего костра наблюдалось столпотворение давно невиданных нами девушек. Доня замутился отнимать у них свою кружку. Но толпились они вокруг Шуры, который кормил их хариусами, пойманными Колчевниковым, на спор мерился потёртостями и, показывая на нас пальцем, говорил с отеческой теплотой в голосе:

- Вот, курирую тут нашу молодежь. Талантливейшие мальчуганы, между прочим, - из Барнаула!

Михон, почему-то обиделся, закурил и загундел из темноты:

- Закурировался уже весь, скоро курировалка отвалится!

И тут Честный Джек наконец настроил гитару, и талантливейшие мальчуганы из Барнаула грянули спевшимся хором:

*- А у нее такая маленькая грудь!
А губы! Губы – алые, как маки!
Уходит капитан в далёкий путь
И любит девушку из Нагасаки!!! ...*

Тогда всё это казалось нам таким обыденным. Ну, выпили парни и орут под гитару что попало. Но почему же юные пешеходницы сгрудились у барнаульского костра? Ведь в их группах имелись свои рыболовы и гитаристы. Видно, была некая шукшинская особенность в уроженцах Алтая.

Первым на неё указал мне казахстанец Степана, посетивший Барнаул на зимние каникулы в середине семидесятых. Он обратил внимание на образность языка, на котором общалось местное население.

- Пятнистая, куда прёшь? - первый умиливший его образец местной речи был вопросом, заданным гражданке в шубе с леопардовыми пятнами, пробиравшейся к билетной кассе.

Затем Степана восхитился тем, что барнаульцы называют магазины по характерным признакам - гастроном «Под шпилем», «Семь ступенек», «На болоте», - а не по номерам или совковым названиям типа гастроном «Юбилейный», как было принято в Томске. А когда он услышал народные названия Крытого и Нового рынков – Рытый Крынок и Ровый Нынок – казахстанец обозвал свою столицу Малай-Матой, и объявил себя «самым преданным патриотом Алтая к северу от юга и к западу от востока».

После этого и я вспомнил, как узнавал на чужбине земляков по поговоркам и чоканью:

- При чём тут баня ВРЗ (вагонно-ремонтного завода)?

- Чо! А кой-чо – не горячо?

Другой характерной особенностью Барнаула начала восьмидесятых годов XX века была яркая культурная жизнь. Самыми модными увеселительными заведениями города тогда являлись рестораны с народным названием «Чулук» и кукольный театр. У прожигателей жизни верхом изысканности считалось - отобедать в «Чулке» после утреннего спектакля в кукольном, потом прошвырнуться по

Бродвею (просп. В.И. Ленина) до кафе «Зодиак». Оттуда – на вечерний спектакль - в кукольный и ужинать в «Чулук».

Популярность «Чулка» объяснялась удачным местоположением вблизи «Клумбы» (площади Октября), куда на вечерний Бродвей стекалась молодёжь с недавних рабочих окраин, по которым их и называли - рыночные, взрэээшники...

В шестидесятые и в начале семидесятых годов они часто махались тут солдатскими ремнями и велосипедными цепями, нападая на студентов и старшеклассников окрестных школ. Те овладели искусством выламывать штакетины из скамеек на аллее и с матами исполнять что-то вроде танца вращающихся дервишей. В результате к восьмидесятым годам на Бродвее не наблюдалось ни толп хулиганов, ни целых скамеек.

Популярность кукольного обеспечивал талантливый режиссер Гемильфарб (имя и отчество не помню). Кроме кукол он выпускал на сцену живых актёров, наглядно демонстрируя публике, чем отличается свободный человек от марионетки.

В такой культурной среде активизировались и любители авторской песни. Они начали проводить свои фестивали в лесу - на берегу речки Повалихи.

Естественно, туристы-водники восьмидесятых не были бы барнаульцами того времени, если бы тоже не замутили чего-нибудь эдакого. Основоположителем «культурной революции» был студент-заочник института культуры – Александр Проваторов.

Шура работал тогда сторожем и руководителем кружка фотокинолюбителей в клубе глухонемых и использовал этот очаг культуры в вечернее и ночное время для приёма своих друзей. В частности, туда направлялись туристы-водники из квартиры Колчевникова, когда Света намекала им, что её гостеприимство не бесконечно.

Мы испытывали массу неудобств, так как директор на всякий случай запирает Шуру на ночь в клубе. Нам приходилось лезть на второй этаж – в окно фотолaborатории. Граждане могли вызвать милицию.

Колчевников ворчал на Шуру:

- Раз уж ты ведёшь фотодело у слепых, придумай что-нибудь.

Ключ сопри, может, не заметят.

- Сколько раз говорить! Они глухие, а не слепые! – возражал Шура.

Но Колчевников не отставал:

- Думай, думай, Шура! Скоро День туризма. Кемеровчане придут. Как Боцман сюда пролезет? Представляешь, приходит утром директор, а из твоей форточки торчит задница начальника угольного разреза и члена партии, между прочим. Какой политический резонанс это может вызвать в обществе? Думай, Шура.

Следует отметить, что для наших иногородних друзей Барнаул был воротами, через которые они проезжали в Горный Алтай и возвращались из походов. Он казался им Городом Вечного Праздника, где жители никогда не работают, а только празднуют их приезды

и отъезды. И мы изо всех сил старались не развезть эту иллюзию.

Шура тоже проникся ответственностью и придумал – договорился с директором провести в клубе мероприятие городского масштаба – вечер туристов-водников, посвященный Дню комсомола.

Лет десять это сборище по праву считалось одной из престижнейших светских тусовок города. Начиналось оно по комсомольской традиции – с отчётного доклада председателя Алтайской краевой федерации туризма Колчевникова М.Ю. В своей краткой речи «дорогой Михаил Юрьевич» отмечал выдающиеся свершения алтайских водников – вроде первопрохождения Акалахи и Тен-Тека его группой, Шавлы группой Евгения Горбика или Чебдара группой Шуры Проваторова.

Затем начинались состязания команд водников в умственных и физических способностях, для демонстрации которых приходилось выполнять придуманные Колчевниковым задания. Чтобы показать умище, надо было или быстрее всех отличать ель от пихты, или перечислить пять самых длинных рек Алтая. Своей силушкой команды мерились в эстафетах, где наперегонки наряжались в гидрокостюмы и спасжилеты, распутывали узлы, а на последнем этапе пили пиво.

Завершалась культурная программа конкурсами художественной самодеятельности, слайдов, фотографий и походных кинофильмов а затем постепенно переходила в «некультурную программу» - то есть в банкет с неформальным общением.

Именно на таком вечере туристов-водников Евгений Горбик предложил присуждать тем, кто пройдёт Аргут, Башкаус, Мажойский каскад и Чулышман, почётное звание «Водный барс Алтая». Идея эта озарила Женю после первопрохождения командой Колчевникова реки Акалаха, которая после слияния с Джазатором порождает Аргут.

После похода Михаил Юрьевич и стал первым, кто прошёл эти классические алтайские шестёрки. Название реки Аргут переводится с алтайского языка как «мешок для взбивания масла».

Интересно, что в нечто подобное новорожденный «водный барс» угодил, уже выбравшись с реки.

Группа на рейсовом автобусе прибыла в город Бийск и отправилась в гости к тёще Михаила Юрьевича. В то время не перевелись ещё на Руси такие тёщи, которые запросто могли пустить переночевать зятя с толпой грязных дружков.

Умывшись и переодевшись в мятое цивильное, Миша, Костя, Шура и Шорец вышли подышать свежим городским воздухом, полюбоваться солнышком, садясь на крыши пятиэтажек, и подивиться на давно не виданных существ в платьях и мини-юбках. Но тут путь им преградил с виду уютный ресторан, и как-то сама собой возникла мысль – а не выпить ли пивка?!

Годы спустя телекорреспондентка спросила Шорца:

- Есть ли у команды Колчевникова любимая отрядная песня?

- «Городские цветы» композитора Максима Дунаевского! – совершенно серьёзно ответил он.

Действительно, именно эту песню исполнял ресторанный ансамбль, когда официант очередной раз проигнорировал совершенно справедливое требование Шуры принести четыре кружки пива, заказанные час назад.

Миша и Шорец танцевали с хмельными дамами из-за соседнего столика. А отвыкший от женского общества Шура стеснялся дыры на коленке мятых штанов от «олимпийки» и не решался выйти в них на танец. Зато он заподозрил, что официант не желает обслуживать их как раз из-за этой – вполне приличной – дыры и предложил Косте пойти в служебное помещение и силой заставить подалу подать джентльменам пиво.

В служебное помещение вела лестница с перилами. Прямо с неё Шура обратился к официанту с вежливой, как ему казалось, речью:

- Эй, ты, фофан тупорылый! Не соблаговолишь ли наконец принести нам пива?

- Иди в жопу! – ответил официант.

- Ты сам напросился, жопа! – заорал Шура и прямо через перила кинулся на официанта.

В те годы Шура занимался борьбой самбо. Но официант тоже оказался спортсменом-борцом. Поэтому вместо лихой кабацкой драки с зуботычинами и пинками их поединок напомнил схватку двух перворазрядников на первенство какого-нибудь ДСО.

Сначала они, схватив друг друга за воротники, долго пытались провести подсечку или бросок. Затем перешли в партер, где последовала серия взаимных захватов и кувырков, завершившаяся возней и натужным кряхтением под столом.

На столе стояли высоченные стопы только что вымытых тарелок. Костя зачарованно наблюдал, как они раскачивались, раскачивались и начинали медленно падать. Он даже хотел броситься к столу и руками удержать тарелки, но не успел.

Грохот сотен разбивающихся вдребезги тарелок был ужасен! Даже Шура с официантом притихли под столом.

- Теперь нам хана! - подумал Костя. – Шура, вылазь. Смываться надо, - сказал он.

Но было поздно. Путь к отступлению преградил другой официант. Костя не был самбистом. Поэтому он решил проложить себе дорогу, попросту засветив кулаком в ухо официанту, но не учёл, что этот официант по странному совпадению тоже оказался самбистом.

Самбист-подавала ловко перехватил Костин кулак и провёл приём «мельница». Костя махнул ногами под потолок и грохнулся во весь рост, по ходу уронив со стеллажей несколько бутылок долгожданного пива.

Музыканты доиграли «Городские цветы» и почему-то бегом устремились к служебному помещению. Миша, почуяв неладное, последовал за ними, оставив свою даму посреди зала.

Беспечный же Шорец ничего не заметил, так как, провожая партнёршу до столика, он закатил глаза, напевая ей в ушко последнюю строку песни:

- Навсегда завладели вы сердцем моим...

У столика Шорец, не ломаясь, согласился выпить рюмочку коньяку.

- За очаровательных бийчанок! – сказал он, отвел в сторону локоть, оттопырил мизинец и не спеша приближал рюмку к губам, когда в поле зрения оказался Колчевников. Миша высовывался из-за двери в служебное помещение и жестами звал его к себе.

- Уно момент! Я мигом, не пейте без меня! – Шорец расшаркался стоптанными кедами, сделал книксен и, стараясь не расплескать рюмку, побежал в служебку.

Первое, что он увидел за дверью - улетающий Михаил Юрьевич. Миша летел с лестницы головой вперёд, вытянувшись по стойке смирно, – руки по швам, подбородок в небо. А какой-то атлет отскакивал в боксёрской стойке спиной к Шорцу.

- Никак не ниже кандидата, а, возможно, уже и мастер спорта – оценил технику боксёра Шорец (преподаватель спортфака Кемеровского пединститута). – Его надо вырубить, пока он меня не заметил, иначе разговор не получится.

Развернувшись левым боком к приближающемуся мастеру спорта, Шорец откинул правый кулак с забытой рюмкой за спину и, расплескав таки весь коньяк, саданул с разворота по опрометчиво открывшейся боксёрской челюсти.

Тело боксёра повисло на перилах, как стираное бельё на верёвке, и Шорцу открылась картина - будто из голливудского вестерна. Среди перевернутой мебели стоял Шура, облепленный музыкантами словно медведь охотничьими собаками. А по разбитой посуде со звериным рёвом к нему шёл двухметровый детина, который, не разбираясь, крушил всё, что попадалось под его удары, с левой и с правой руки - на каждый шаг.

Наверно, детина так же ритмично сокрушил бы Шуру со всем вокально-инструментальным ансамблем и, проломив соответствующим образом стену, ушёл бы крушить соседнее помещение, но под ногу ему попала бутылка пива. Детина поскользнулся и грохнулся на пол, где и затих рядом с Костей и Колчевниковым.

Только после этого Шорец рискнул спуститься по лестнице – на помощь Шуре. Разбросав музыкантов, они прорвались к стене, заставленной ящиками с шампанским, к которым и прижались спинами.

Музыканты и официанты построились подковой, но атаковать не решались, так как Шорец пугал их острыми краями разбитой рюмки.

Лишь ещё один спортсмен, видимо, каратист, периодически выбегал из строя и больно пинал Шорца под коленку твёрдым ребром подошвы полуботинка.

Шорец визгливо уююкал от боли, но достать обидчика рюмкой не мог. К десятому пинку он понял, что каратист скорее всего – музыкант, так как подготовка, выход, удар и возвращение в строй совершались им как будто в ритме песни «Городские цветы». Шорец сунул бесполезную рюмку Шуре, а сам мысленно начал напевать эту мелодию дирижируя над головой руками.

- Навсегда завладели... - нашептывал он, когда каратист выступил из строя левой ногой и развернул корпус для пинка. Шорец схватил руками верхний ящик с шампанским и, допев в полный голос:

- Вы сердцем моим! – поставил его на голову каратисту.

От содеянного Шорцем враги впали в ступор. Шорец за ручку провёл сквозь строй ошарашенного Шуру и уже на лестнице вспомнил про Костю и Мишу.

Те лежали возле детины, пляясь в потолок совершенно бессмысленными глазками.

- Костик, Мишуля! Вставайте, пора домой! – тихо позвал Шорец.

Костик и Мишуля послушно поднялись и поплелись на выход, опасливо обходя тело боксёра, висевшее на перилах.

Уже в дверях ресторана кто-то догнал замыкавшего процессию Шорца и пнул его под зад. Шорец хладнокровно закрыл за собой дверь и заорал:

- Бежим! – а сам прыгнул в ближайшие кусты.

Остальные последовали за ним, где и затаились. И вовремя.

Из ресторана выбежала всё та же толпа музыкантов и официантов. Новым лицом в ней был откуда-то взявшийся милиционер. С криками:

- Вон они! Теперь не уйдут! – толпа погналась за какими-то напуганными ею же случайными прохожими.

- Уходим дворами! Дорогу знаю. Бегал тут от хулиганов, пока женихался! - сказал очухавшийся Миша.

- Я какать хочу! – вдруг захныкал ещё не очухавшийся Костя.

- Во даёт! Мало мы им сегодня нагадили? Какай, что с тобой делать! Натерпелся, чай! – поддержал товарища Шура, и вся затаившаяся в кустах четвёрка любителей пива разразилась безудержным жизнерадостным хохотом ...

Вечером следующего дня, уже в Барнауле, Михаил Юрьевич завязывал галстук, любуясь на себя в зеркало. Из зазеркалья на него смотрела какая-то рожа с иссиня черным фингалом вместо глаза и фиолетовым оттопыренным, как у Чебурашки, ухом. Миша собирался на родительское собрание, которое должен был провести в качестве инструктора Краевой станции юных туристов. Ему предстояло заверить родителей, отпускающих детей с ним в поход, в полной безопасности данного мероприятия, так как проводить его будет очень опытный и надёжный товарищ, достойный пример для подрастающего поколения.

- Педагог! – сказал Миша и подмигнул сам себе чёрным фингалом.

За окнами его ждал город вечного праздника!

На дворе был разгар восьмидесятых – казалось, самый разгар жизни тридцатипятилетнего Колчевникова. Шура даже предложил переименовать Акалахинский ледник в Ледник им. тридцатипятилетия Колчевникова и далее именовать его так на лощицах реки и соответствующей туристической литературе. Первопрохождение Акалахи принес-ло группе первое место в чемпионате СССР среди

маршрутов VI категории сложности. Казалось, «ревущие» сороковые годы жизни вынесли Михаила Юрьевича на самый гребень достижений, возможных в водном туризме. Мог ли он предчувствовать, какой неожиданный фортель готовит колесо судьбы к его сорокалетию?!

Но это будет уже совсем другая история.

Глава 5. Люди в одной лодке

В 1987 году в СССР прибыл Джип Элисон - речной гид из Калифорнии. Принявшим его сотрудникам Совинтерспорта - организации, занимавшейся приёмом иностранных спортсменов, он предложил свой Project RAFT. Слово raft в английском языке означает «плот». А предложенная Элисоном аббревиатура – RAFT означала «русские и американцы для работы в одной команде».

Джипу пришло в голову, что совместные сплавы американцев и русских будут очень полезны для окончания холодной войны. Люди из СССР и США, сплаваясь в одной лодке по горной реке, лучше узнают друг друга и не захотят воевать между собой. Такая вот народная дипломатия предлагалась.

Однако, глубже проработав этот вопрос, представители советской стороны обнаружили, что практически все реки Памира, Тянь-Шаня текут в погранзонах, а на Кавказе обстановка уже тогда была нестабильной. Естественно, нельзя было поколебать государственную безопасность, запустив в укрепрайоны агентов американского империализма, переодетых в туристов.

Единственным местом, где можно было победоносно закончить холодную войну, оказалась алтайская река Катунь. Сделать это поручили преподавателю Краевой станции юных туристов и крёстному отцу барнаульских водников Михаилу Юрьевичу Колчевникову. В июле 1987 года он со своей командой провёл первых американских речных гидов по Катунь.

А в конце осени того же года Миша неожиданно посетил меня и, пока я гостеприимно жарил яичницу, предложил сняться в американском фильме.

- У Спилберга? – я решил, что Миша шутит.

- У Вилкокса! Ты видел в «Клубе кинопутешественников» - «Сплав по Янцзы»? Его работа. Теперь будет снимать у нас на Алтае. Нужны актёры на роли русских сплавщиков.

- А постельные сцены будут? – продолжал юморить я.

- Будут. Тебя куда поставит - в пороге Шабаш или до Чулышмана потерпишь? Кстати, у кого-то яйца горят!

Миша не шутил. На следующий год приехала съёмочная группа телевизионной компании «Ай Би Си» - снимать фильм, как русские и американцы одной командой проходят пороги Катунь. Для организации русских участников этого проекта была учреждена турфирма «Алтур» во главе с М.Ю. Колчевниковым.

Действительно, годом раньше эти же телевизионщики снима-

ли в Китае фильм о первопрохождении горной части реки Янцзы, в том числе и величайшего порога Прыжок Тигра. Волны там были, как многоэтажные дома. Американским рафтерам пришлось связывать по четыре рафта в виде ромбов, чтобы сплавсредство могло заползать на такие огромные горы воды.

Передние рафты иногда опрокидывались назад. Сплавсредство как бы захлопывалось. Передние гребцы, падая сверху на задних, стукались с ними касками и сплавлялись далее зажатые между рафтами вверх ногами.

Но трагичнее была участь китайских участников проекта. Тогда в Китае не было туристов-водников и руководящие китайские товарищи направили на первопрохождение крупнейшей азиатской реки спортсменов, членов олимпийской команды по академической гребле на байдарках и каноэ, со строгим наказом – ни в чём не уступать буржуазным каякерам и рафтерам.

Американцы с ужасом вспоминали, что чуть ли не каждый день в порогах Янцзы тонул кто-нибудь из китайских спортсменов. Остальные молча хоронили его на берегу, молча расходились на ночь по палаткам, а утром так же молча садились в свои байдарки и неслись наперегонки с американскими каякерами и рафтерами с такой прытью, что те просто не успевали их спасти.

Путь на телеэкраны Америки я и Шорец начали с исполнения ролей грузчиков, отправленных Колчевниковым на КАМАЗе в новосибирский аэропорт Толмачёво за грузом американской экспедиции. Поэтому в лагере у посёлка Усть-Кокса мы появились на следующий день после исторической встречи на Катунь.

К нашему разочарованию, из своих нас никто не встречал. Только несколько улыбчивых белозубых парней и девушек подошли к КамАЗу. Они приветливо похлопывали нас по плечам, лопоча о чём-то на своём языке.

- Что они говорят? – спросил я Шорца, который хотя и не понимал по-английски, но годом раньше уже сплавлялся с американцами.

- Наверно, хотят, чтоб мы КамАЗ быстрее разгрузили. Хелло, хелло! Дайте хоть перекусить с дороги, черти! – ответил он, выискивая глазами прошлогодних знакомых.

- Май нэйм из Володья! – я наконец вспомнил фразу, которую специально для этого дня разучивал всю зиму. – А КамАЗ разгрузить - мей би, кам тугезз? Ферштеен?

- Идём к столу, там трёхлитровая банка чёрной икры осталась. Поешь, а то пропадёт на жару, заговорила вдруг по-русски самая симпатичная из улыбчивых девушек.

Это была москвичка Лена, прилетевшая с американцами из столицы. Она проводила меня к столу, под которым спал Лёха Бородин.

- Что с ним? – спросил я у Лены.

- Алкогольное отравление икрой! – ответила она и пододвинула ко мне трёхлитровую банку.

- Так ведь Юрьевич запретил брать водку. Мол, американцы не курят и не пьют, а ведут здоровый образ жизни. И будет полити-

чески неправильно пить водку, так как у наших гостей может сложиться неверное представление о советском человеке! - изложил я перестроечную доктрину Колчевникова.

- Надо же! То-то он, когда гости ушли спать, достал спирт, а не водку. Давайте, говорит, по колпачку за начало экспедиции. На закуску была только банка икры. Сами же все продукты к американским палаткам стаскали. А икру туда унести рука ни у кого не поднялась. Вот и отравились с непривычки, - поведала Лена историю болезни, сразившей наших товарищей.

- Неужто чёрной икрой? - засомневался я.

- Ну не спиртом же! - Лена улыбнулась голливудской улыбкой и протянула мне кусок хлеба с толстым слоем икры.

- Прекрасная женщина! - подумал я и спросил. - Лена, как насчёт романтического ужина на берегу реки? Я угощу вас чёрной икрой.

- Всю жизнь мечтала. Только, похоже, нам с тобой придётся готовить романтический ужин на всю эту ораву. Ты же натаскаешь мне воды в котлы, Володья!

- Мигом, Лена!

Но мигом ничего не получилось. Когда я с ведром катунской водички подбежал к котлам, рядом возник бородатый американец с какой-то пшикалкой.

- Pump! - приветливо сказал он и помахал пшикалкой у меня перед носом.

- Володья! - ответил я и помахал ведром перед носом Пампа.

Ведро явно мешало моему международному контакту, и хотелось быстрее перелить из него воду в котёл.

Но Памп вцепился свободной рукой в ведро и опять представился, но уже не так приветливо:

- Pump!

- Да не тупой я. Ю нэйм из Памп. Май нэйм из Володья. Что тут непонятного! Пить хочешь? Пей, конечно. Только вода некипячёная, - я отдал американцу ведро. - Лена, переведи Пампу, что вода некипячёная.

- Это Майк. Он говорит, что воду из реки надо качать через фильтр. Задолбал уже этим фильтром, - Лена приветливо улыбнулась Майку.

Майк поставил ведро возле котла. Между ними примостил пшикалку. Сунул торчащие из неё шланги - один в ведро, другой в котёл - и пшикнул несколько раз, демонстрируя работу американской чудо-техники.

- Pump, Володья! - снова приветливо сказал он и удалился.

Пшикалка пшикала тоненькой струйкой, а через пятьдесят качков фильтр окончательно засорился. Я попытался его прочистить.

- Не надо. Перелей быстро воду в котёл. Что тут, Лимпопо заразное? Задолбали! - сказала Лена и улыбнулась голливудской улыбкой.

Насос для фильтрации воды остался единственным досадным недоразумением, подпортившим мои первые впечатления от американцев. Хотя было очевидно, что люди, побывавшие на кишащих

всякой холерой реках Африки и Азии, навряд ли доверят свои желудки первой встречной алтайской реке.

А вот насос для накачивания воздухом рафтов вызвал у нас - русских водников - восхищение. Мы надували наши баллоны мешками из прорезиненной ткани и своими лёгкими, что вызывало творческий интерес у телеоператора Грегори. Он тут же начинал снимать сей экзотический процесс.

А мы, поняв, что нас могут увидеть миллионы американских телезрителей, начинали махать им руками и скалиться прокуренными зубами. Грегори пришлось сходить за переводчиком Игорем (Саркисовым) и объяснить, что его цель – запечатлеть реальную жизнь такой, какая она есть. Поэтому он будет стараться подкрасться к нам, когда мы работаем, едим, спим или гадим где-нибудь за кустом.

- Он просит не показывать вида, что вы его заметили, не лыбиться и не делать ручкой, особенно, когда гадите, – бесстрастно перевёл Игорь.

- Скажи ему, чтобы не смел ко мне подкрадываться. Я за себя не ручаюсь! – возмутилась Лена - единственная, кто не стремилась любой ценой попасть на телеэкраны Америки.

Костя Кречетов, Лена и я попали на флагманский плот Колчевникова. Вместе с нашим начальником Мишей на задней гребне стоял начальник Лены - Серёга Николаев из Совинтерспорта. Наши начальники всё время обсуждали с американскими боссами планы работ в одной команде и практически не принимали участия в работе по подготовке судна.

Мы крепили на плоту гору мешков с продуктами и снаряжением. Поэтому когда начальство, подбросив нам свои рюкзаки, спешило на саммит с Джипом, Лена громко пела им вслед:

- Трактор в поле дыр, дыр, дыр...

А мы боремся за мир!

Кроме плота русскую часть эскадры представляли два катамарана - «двойки». На одном шли Лёха Бородин и Шорец, на другом – Мишин воспитанник Шиндецов с Краевой станции юных туристов и байдарочник Владимиров из Горно-Алтайска.

Миша в душе волновался - не постигнет ли нас участь китайских байдарочников из предыдущего телевизионного шедевра Вилкокса. Катунь, конечно, не Янцзы, а Аккемский прорыв – не Прыжок Тигра. Но до этого мы не сплавлялись в коренной паводок начала лета, когда начинают таять высокогорные снега. Будет ли управляем перегруженный плот? Не опрокинутся ли в огромных валах маленькие катамараны?

Вслух он, естественно, ничего не говорил. Москвичи сплавлялись в первый раз и не подозревали, куда вляпались. Я понимал, что означают затопленные берега и плывущие по реке деревья, но верил в чутьё воды и опыт нашего адмирала.

А вот Костя, с детства сплавлявшийся с Колчевниковым, по тому, как тот скручивает самокрутки, догадывался, что подсказывают Мише его чутьё воды и опыт. Свои плохие предчувствия Костя дер-

жал при себе. Лишь, когда наш начальник сходил с берега на плот и приказывал отчаливать, задумчиво декламировал:

- Старик Державин нас отметил

И, в гроб сходя, благословил!

Миша, кисло усмехнувшись, дрожащими руками открывал свою пластиковую бутылочку с окурками и скручивал самокрутку.

- И мне скрути! – просила Лена и протягивала Мише сигареты «Camel», которыми нас одарили американцы.

Москвичку Лену почему-то больше интересовали наши нравы, нежели нравы граждан США. Чего нельзя было сказать обо мне.

Я был от них в полном восторге. Прежде всего бросалась в глаза их приветливость. Стоило встретиться взглядом с любым американцем, и он тут же всем видом показывал, как он рад видеть меня, и участливо интересовался:

- Володя! How are you?

- Видишь, как он счастлив меня видеть? – говорил я Лехе Бородину.

- Да пошёл ты! – обижался Лёха.

Колчевников доверил ему ответственнойшую должность послатора. Если местные жители, журналисты и прочие наши сограждане начинали досаждать американцам своей назойливостью, Лёха должен был посылать их куда подальше. Он работал слесарем на заводе и мог убедительно послать даже вооруженных пьяных алтайцев; но, чтобы быть в форме, практиковался при каждом удобном случае.

А вот в отношении американцев у меня сложилось мнение, что их редко посылали куда подальше, такие они были раскрепощённые. По-моему им, наивным, казалось, что если ты относишься к людям доброжелательно, то и тебе никто не сделает ничего плохого. И незачем постоянно отгонять кого-то от себя куда подальше.

А если какой-нибудь закоренелый злодей не понимает доброго отношения и всё-таки обидит американца, то ему придётся иметь дело с морской пехотой США. Так что – ничего личного! Просто быть доброжелательным гораздо продуктивнее.

Особенно раскрепощёнными выглядели каякеры. Большая вода в реке их только веселила, и они с индейскими кличами гарцевали на каждом буруне. Мы, имевшие дело только с брезентовыми байдарками, не представляли, как же эти весёлые дурашки выживут в грядущих порогах.

А пока река неслала нас по просторной долине, организаторы съёмок тасовали экипажи судов, чтобы показать, как мы сработаемся с американцами. Но была одна проблема - кроме Игоря Саркисова почти никто не понимал слов, необходимых для работы в одной команде. И хотя в экспедиции были две штатные переводчицы (американская и московская), его сажали во все показательные прохождения порогов.

Игорь не был сплавщиком и вообще боялся пенных ям и больших волн, а на показательных прохождениях надо было лезть в самое бучило. Поэтому он старался быстро обучить нас необ-

ходимому минимуму английского языка.

- Может, без меня обойдётесь, - говорил Игорь. – Запомните! «Forward» - это «вперёд», «stop» - это «стоп», а я пойду к Майку на распашной рафт.

- Стой, куда побежал! А как будет «вправо», «влево», «чалимся»? Сиди с нами! Хоть поспикаем, а то переводить только начальству! – возражали мы.

Так Саркисов, Владимиров, Шиндецов, я и речной гид из Калифорнии Глена оказались в одной лодке. Правда, та лодка была гребным рафтом, и Глена уселась на корму командовать нами.

- Покажут потом, что нашими мужиками командует американская баба! – заворчал Владимиров.

- Смотря какая баба! – проявил свою политическую близорукость я. – Игорь, спроси у Глены, сколько речных маршрутов она прошла?

- Она точно не помнит. Где-то около сорока за прошлый сезон, - перевёл ответ Саркисов.

- Так это ж больше, чем за всю жизнь у Колчевникова! – искренне восхитился я. – Конечно, она лучше нас знает, когда «форвард», когда «стоп»!

Впереди рафта лихо скакал на каяке муж Глены – Эрал, и она радостно кричала нам:

- Forward! Forward!

Эрал то гортанно улюлюкал, то крутил над головой весло, изображая вертолёт – helicopter. Затем устроил водное родео в пенной яме. И в то же самое бучило, к ужасу Саркисова, нас профессионально завела Глена. Но, вынырнув из брызг, Игорь вдруг тоже гортанно заулюлюкал, только на чистом русском языке.

После стоянки в устье Аккема Колчевников приказал всем россиянам вернуться на свои места, и наш флагман подвёл эскадру к входу в Аккемский прорыв, где мы с трудом причалили к осыпи, уходящей прямо в реку.

Миша грустно посмотрел на бушующие впереди волны и повелел нам обнести по рюкзаку куда-нибудь за третью ступень.

- Тебе, Лена, придётся остаться там сторожить рюкзаки от медведей. Вовик и Костик их страсть как боятся. Кроме тебя мне здесь не на кого положиться, - сказал он, раскуривая самокрутку. – Помни, если медведь заявится, надо первой зарычать на него. Медведь летом сытый, не захочет с тобой связываться и убежит.

- А если медведь зарычит первым? – спросила Лена.

- Тогда убежишь ты, - Колчевников с сочувствием посмотрел на осыпь, по которой нам предстояло обнести рюкзаки, а Лене убежать от медведя, и пошёл совещаться с Джипом.

Обнос лишил меня моральных и физических сил. И даже пороги Аккемского прорыва не особенно впечатлили. Ну плещутся волны на полреки у левого берега. Так в правой части русла – чисто. Вот только на входе весь поток устремляется под левый берег.

Стоя по колени в воде, мы с Костей удерживали у берега плот и, задрав головы, следили, как пара каякеров один за другим исчезает

в пороге, когда Колчевников сказал:

- Первый лёг. Быстро отчаливаем!

Мелькнуло устье притока Барткем, до которого ещё можно было бы одуматься, и мы закачались на первых волнах, стараясь выйти на середину главного потока. Вокруг закипели пульсирующие воронки. Впереди показалась пропасть, в которую нас несла вода, а за ней отвесная стена левого берега.

Плот рухнул в пропасть и во всю свою шестиметровую длину выполз на стоячий вал за сливом. Вот он момент истины!

Хватит ли скорости, инерции, остойчивости судну, чтобы перевалить через падающий назад гребень? Чем мы можем ему помочь?

Бывалые плотогоны считали, что надо передней гребью загребать воду на вершине вала, а задней – ровнять плот, что мы, не сговариваясь, и делали, так как Мишкины команды тонули в грохоте разбивающегося в сливе потока. Судно выползло на гребень, и нам открылась не менее впечатляющая картина.

На фоне приближающейся левобережной скалы на глазах вырастали и опрокидывались навстречу потоку ну просто океанские волны.

Но главную опасность, прячущуюся за ними, как-то исхитрился заметить Колчевников.

- Вправо, суки! Вправо, мать вашу! – заорал он не своим голосом.

Мы с Костей замахали передней гребью, как аэроплан пропеллером, но почему-то не могли догнать корму. Засомневавшись, что Мишка с новичком Николаевым работают мощнее нас, я оглянулся и обнаружил, что они вообще не гребут. Хитрый Колчевников нащупал лопастью сильную струю правее плота, зацепился за неё и теперь только непрерывно командует.

В результате вопреки заветам бывалых плотогонов мы выехали на очередную волну полуразвёрнутыми к левому берегу. Вот тут я наконец увидел то, что почувствовал наш адмирал. Слева с высоты второго этажа обрушивался тоннами брызг косой вал. Рухни он нам на борт, и ширины даже перегруженного плота могло бы не хватить, и плот бы перевернулся.

Но благодаря прозорливости Колчевникова плот заходил на косою вал заранее развёрнутый носом. И более того – подгоняемые Мишкиными криками – мы настолько размахались гребью, что ухитрились ускользнуть в сторону от косою гребня.

Наконец появилась возможность спокойно осмотреться по сторонам. Пара передовых каякеров благополучно сопровождала нас, траверсируя струю кормой вперёд. На гребнях волн они вращали над головами весла, изображая вертолеты, и гортанно улюлюкали.

- Миша, давай я тоже покручу гребью над головой, - сказал Костя.

- Нет, пошли чалиться. Ленку забрать надо. Сейчас рафты пойдут. Вдруг кто ляжет. Будем ловить вместе с этими вертолетами. Командная работа, сам понимаешь, старик Усть-Коська.

Село Усть-Кокса американцы почему-то называли Усть-Коська.

И Колчевников в ответ на «старика Державина» стал звать Костю – Усть-Коськой.

Лена даже не заметила, как причалил наш плот. Она сидела на рюкзаках и злобно рычала на ближайšie кусты.

- Лена, ты запугала всех медведей в округе! Иди на плот, родная! – сказал Миша.

Лена кошкой заскочила на плот и забила в свой угол за спиной Серёги Николаева. Там она долго пыталась раскурить трясущуюся в губах сигарету, пока Серёга не перевернул ей её фильтром в рот. Нам стало ясно, кто больше всех натерпелся в Аккемском прорыве. Миша с Костей, забросив на борт рюкзаки, даже осмотрели ближний куст и заверили Лену, что медведя там нет.

- Да задолбали вы со своим медведем! На меня мышь напала! – сказала Лена, жадно затягиваясь Кэмелом.

- Тогда не рычать, а пищать надо было! – назидательно заметил Миша и злобно запищал. - Пи, пи, пи-и-и...

В ответ с реки донеслось гортанное улюлюканье. Это команды рафтов и катамаранов приветствовали нас, проносясь мимо.

Мы пристроились в конец колонны и, кто рыча, кто пища, кто улюлюкая, но уже весело, понесли по волнам.

Удачное прохождение первого серьёзного препятствия сняло некоторую внутреннюю напряжённость, не только с нас, но и с американцев. Первопроходцы Янцзы, видимо, опасались, что мы тоже окажемся спортсменами-олимпийцами.

Особенно доволен был Джип. Вечером после осмотра экспонатов знаменитого музея туристов в устье Аргута он сообщил нам, что Вилкокс, которого Джип уговорил снимать фильм на Алтае, и другие участники съёмочной группы сегодня воочию убедились, что в России существует высоко развитая цивилизация white water's voyagers – рыцарей белой воды.

Мы тоже стали различать – who is кто, а кто есть who. Сначала нам казалось, что практически все американцы не курят и не пьют, а спать ложатся сразу после ужина, причём свои палатки ставят как можно дальше от других палаток.

В отличие от нас. Мы-то теснились в одну кучу, а если была возможность не ставить палатку, то спали все вместе под одним тентом.

Однако, приглядевшись, мы обнаружили, что не курят и фактически не пьют молодые речные гиды. Это выяснилось благодаря тому, что вопреки запрету Колчевникова сам Михаил Юрьевич и все барнаульцы всё-таки взяли с собой кто бутылку водки, а кто и пресловутое «ракетное топливо».

Когда американцы расходились после ужина, мы вешали над костром ведёрко нефильтованной катунской водички. Шорец готовил «шорский коктейль», то есть разбавлял в ковше спирт или водку так, чтобы всем хватило, и мы все дружно закуривали в ожидании чая.

Но уже на второй день выяснилось, что в темноте среди нас курящих и пьющих русских, сидят американцы и, как ни в чём не бы-

вало, курят и пьют «шорский коктейль», а иногда ещё и приносят к костру своё виски. Причём это были люди далеко за тридцать.

Я предположил, что в Америке «Указ о борьбе с алкоголизмом» и талоны на спиртное ввели лет за пятнадцать до нашего, горбачёвского, когда нынешние тридцатипятилетние уже успели приобщиться к зелёному Змию. А нынешняя американская молодёжь выросла в трезвой атмосфере культа здорового образа жизни. И лет через пятнадцать мы тоже увидим непьющую некурящую российскую молодёжь!

Но мудрый Колчевников напомнил, что сухой закон в США отменил Рузвельт ещё в тридцатые годы. И если появление непьющей и некурящей молодёжи как-то связано с ограничениями на продажу спиртного, то навряд ли мы доживём до появления подобного феномена в России.

Тогда Владимиров выдвинул версию в духе марксизма-ленинизма. Мол, речные гиды ведут здоровый образ жизни по причине того, что круглосуточно находятся на работе. А если они закурят или запьют, то злой буржуин Вилкокс уволит их без выходного пособия прямо здесь среди Алтайских гор.

Эти диспуты велись у костра в присутствии американцев. И мудрый Колчевников показал пальцем на нескольких курящих и пьющих членов съёмочной группы, также находящихся под гнётом Вилкокса.

Среди сидевших с нами американцев были очень интересные люди. Особенно мне запомнился Джим Фаулер. Он оказался ведущим популярной в Америке телепрограммы о путешествиях по всему миру. Лена поинтересовалась, не нападали ли на него какие-нибудь животные.

И Джим рассказал, как во время съёмки анаконды в Амазонке змея обвила его кольцами и начала заглатывать руку. Благо рука у Джима довольно длинная и ума хватило не дёргаться. Тварь, проглотив его до локтя, решила вздремнуть и ослабила хватку. Тогда Джим осторожно вынул из неё свою руку и дал стрекача через джунгли.

Мы стали спрашивать, а не нападают ли крокодилы на тех, кто сплавляется по тропическим рекам. Тут из темноты отозвался каякер Том. Он сказал, что на сплавщиков чаще нападают бегемоты. Самцы ревнуют своих жен к рафтам, а каякеров путают с крокодилами.

А вот крокодилы якобы считают каякеров брёвнами. Но, когда на Замбези за ним увязался крокодил, Том не стал доказывать, что он такое же бревно, как и все. Бросил гаду свой шлем. И пока тот перекусывал, унёсся за горизонт.

Оказалось, что если у костра завязывался взаимно интересный разговор тогда тут появлялись и непьющие каякеры, и влюблённые парочки из самых дальних палаток.

Естественно, многое зависело от переводчиков. Игорь не только переводил, но ещё и пел бардовские и американские песни. Гитару приносила Глена. Она исполняла тягучие баллады, и американцы

тихо подпевали ей с просветлёнными лицами. Мы, хоть ни черта не понимали, но тоже наполнялись светлой грустью.

С неожиданной стороны открылась американская переводчица Сьюзен. Если не было посиделок, она сама приходила к нашему тен-ту – покурить, поболтать за жизнь под виски или водочку и с презрением отзывалась о здоровом образе жизни американцев. Эдакая странствующая студентка-хиппи.

Московская переводчица даже туманно намекнула, что наше общество может вызывать интерес только у агента ЦРУ. Мне тут же вспомнился подозрительный вопрос, заданный Сьюзен:

- Почему у русских вырезаны аппендиксы?

Она спросила это жарким солнечным днём, когда все наши щеголяли в плавках, а американцы в шортах. Мы с Лехой недоумённо почесали свои шрамы и с пристрастием осмотрели пуза наших заокеанских гостей. Оказалось, что никто из американцев не подвергался данной операции.

- Да вот как-то так получилось, - ответил я и побежал консультироваться к Колчевникову – почему у нас вырезаны аппендиксы, а у американцев – нет?

- Ну, ты что, газет не читаешь? – ухмыльнулся в усы Миша. – У них же платная медицина, вот и терпят, пока не лопнет, а мы - нет.

После такого объяснения я заодно понял, почему Дэн Грант (брат Майка) всё свободное время чистит зубы. Примерно так же часто, как мы закуривали – чуть выдавалась какая минутка между дел, он доставал откуда-то из спасжилета зубную щётку с пастой и начинал надраивать свои зубы, точно солдат пряжку. Я-то дурак думал, что это Дэнчик хочет очаровать Ленку ослепительной улыбкой, а он, оказывается, на зубодёре экономил.

В следующий раз, когда Сьюзен пробралась к нам поболтать за жизнь, я переглянулся с нашей переводчицей и спросил:

- Сьюзен, вот нас по десять лет учили в школах, а потом в институтах иностранным языкам, но мы ни хрена не понимаем ни по-английски, ни по-немецки; ни по-плохому, ни по-хорошему. А интересно, в какой такой спецшколе тебя обучили так хорошо говорить по-русски?

- Во время учёбы в Лондоне я увлеклась Достоевским и, чтобы прочесть его романы на том языке, на котором он их написал, стала учить русский, - ответила Сьюзен.

Мы советские люди, считали себя самой читающей нацией в мире. А из газет знали, что американцы читают только комиксы. И нате вам – Достоевский!

- Только для того, чтобы почитать нашего Фёдора, так сказать, Михайловича? – удивился я, который кое-как дочитал «Преступление и наказание» до сцены убиения старушки, и то лишь потому, что в школе заставляли.

- Ничего удивительного. Я, например, выучила английский, чтобы почитать на досуге Диккенса в подлиннике, - понимающе усмехнулась наша переводчица.

- Я не дочитала ни одной книги Диккенса до конца. Это скучно.

Лучше читать Шекспира! – простодушно посоветовала Сьюзен. - А вам кто больше нравится – Алёша Карамазов или князь Мышкин?

Мы рассеянно переглянулись, а я толкнул в темноте нашего дипломированного педагога Шорца. Тот, хоть и работал когда-то учителем физкультуры, но, как и все сельские учителя, должен был уметь подменить любого учителя.

- Вообще-то, мне больше нравится Чехов, - начал Шорец тоном двоючника, не выучившего домашнее задание.

- О, Чехов! Fantastic! «Я - чайка!» - взволнованно затараторила Сьюзен. – А доктор Астров из «Дяди Вани»! Я думаю, это Чехов про себя написал.

- И я думаю, что Чехов про себя написал всё, что у него про любовь, особенно в «Даме с собачкой»! – Колчевников наконец раскурил самокрутку и сказал своё веское слово. – Знаешь ли ты, Сьюзен, что твой любимый Достоевский провёл свой медовый месяц здесь, на Алтае, в городе Барнауле?

Ни американка, ни мы, барнаульцы, не знали этого факта из жизни классика. И Миша, покуривая самокрутку, рассказал случившуюся в наших краях историю любви расконвоированного каторжника Достоевского и такой же, как Сьюзен (только сибирской) поклонницы его творчества.

- Но когда она добилась для мужа отмены пожизненной ссылки в Сибирь, он укатил с новой поклонницей в Европу – играть в рулетку. Так-то, девоньки. Знаю я этих писателей. Сам пару книг написал! – закончил свой рассказ Колчевников.

- Ну, ты – краевед, Миша! – сказала Лена, сверкая в темноте слезинками на щеках.

- Да, я такой, - сонно подтвердил Колчевников, натянул на себя спальник и тут же уснул сном праведника.

Другой удивительной особенностью американцев было их мнение о собственной национальности. Мы помнили, что США - страна потомков эмигрантов из Англии, Ирландии, Италии и других стран. Однако, кого бы ни спрашивали, какой он национальности, все, даже Сьюзен, похожая на еврейку, отвечали, удивляясь непонятливости русских:

- American!

Нашей национальностью они не интересовались, но вряд ли кто-нибудь ответил бы, что он - советской национальности. Нам было ясно: вот мы – русские, а вот в деревне Иня живут алтайцы.

Алтайцев мы тоже делили на две сильно отличающиеся национальности: мирные команчи и воинственные апачи (резвые и пьяные). Меня восхищало, что сами алтайцы делят свой народ ещё на множество маленьких народов и помнят, кто кому в каком веке дань платил. Так, воинственные апачи считали себя потомками воинов Чингисхана и требовали с туристов дань водкой и арканами (капроновыми верёвками).

Разговор о национальных особенностях случился после нашей экскурсии как раз в Иню. «Краевед Колчевников» с помощью Саркисова рассказывал американцам о знаменитом Чуйском тракте, о

контрастах алтайской природы – в двенадцати километрах отсюда, в Яломане, яблоки зреют ароматные, а в Ине даже картошка не растёт; однако Грегори снимал покосившиеся избы, небрежно подпёртые заборы, неопрятные отхожие места.

- Зачем он снимает? Не надо им это показывать! – разволновался Владимир.

- Та нехай себе клеветит! – чтоб не поняла Сьюзен, «поукраински» ответил Колчевников.

- Вот кен ю сэй эбаут Иня?- спросил я вечером Джипа, желая узнать его впечатления.

Джип внимательно выслушал Саркисова, который минуты две переводил мой английский на его американский. Затем долго думал, как бы ответить так, чтобы никого не обидеть.

- Я полагаю, - наконец заговорил он, а Игорь эхом переводил, - что люди сами решают, как им жить. Не будет же Горбачёв чинить всем заборы. И в Америке есть такие места, где живут люди, которым наплевать, как они живут.

Костя решил, что политически корректный Джип намекает на негров, и вспомнил школьного военрука, который стыдил расширяющийся класс смешной фразой.

- Вот вы здесь ржёте, как кони, а в это время в Америке Кукрыниксы негров вешают! – процитировал Костя.

Саркисову понадобилось уже четверть часа, чтобы перевести Джипу слово Кукрыниксы и объяснить, почему старый вояка перепутал псевдоним советских карикатуристов, бичевавших пороки буржуазной Америки и расистскую организацию КуКлукс-клан. Но до собравшихся вокруг американцев так и не дошло – над чем мы смеялись.

- Он не понял, при чём тут баня ВРЗ, – перевёл Игорь длинную ответную речь Джипа.

- Усть-Коська интересуется, почему в экспедиции нет ни одного негра, – наконец кратко сформулировал нашу озабоченность Колчевников.

Джип обвёл нас насмешливым взглядом.

- А вы уверены, что вам это надо? – спросил он тоном взрослого, беседующего с детьми, выпрашивающими спички.

- Теперь нет, - согласился Миша, и все понимающе закивали.

Перед порогом Шабаш Миша решил поразить американцев настоящей походной баней. «Ненастоящая» баня – довольно прохладный шалаш при музее в устье Аргута - не произвела на них впечатления, хотя и многие помылись тёпленькой водичкой.

Лёха напомнил Колчевникову мудрость древних туристов: «Нельзя мыться перед серьёзным порогом - река перемое!» и привёл в пример Шорца, который помылся в бане на Аргуте, а потом их катамаран перевернулся в Ильгуменском пороге. Колчевников возразил, мол, наша Ленка тоже мылась, но плото устоял.

- То Ленка, а то – Шорец! – мрачно заметил Лёха и пошёл готовить баню.

На песчаном пляже мы соорудили каменку из здоровенных бу-

лыжников, обложили её сухостоинами и подожгли их. Когда костёр прогорел, а бульжники начали зловеще потрескивать, очистили каменку от головёшек. Затем руководимая Колчевниковым российско-американская команда установила над каменкой заранее приготовленный столб с двумя шатровыми палатками (в одной стандартной палатке было бы тесно людям и каменке). Одновременно растянули края палаток по намеченному периметру, и, пока Шорец, державший столб внутри бани, вопил как Джордано Бруно на костре, Лёха и Миша быстро забили в песок кольца с растаяжками, а Майк и Дэн (имевшие прошлогодний банный опыт) засыпали края палаток камнями, чтобы сохранить жар.

В это время на догоравших головёшках уже закипала вода в вёдрах. Возле одного из них столпились американцы и зачарованно смотрели, как Шорец с видом шамана проводит ритуал заваривания веников. Похоже, наивные ждали, что из «заварки» он приготовит какой-то экзотический «шорский коктейль» и угостит их.

Шорец же, заварив веники, показал зрителям ожог на своей ступне, который он получил от уголька, зарывшегося в песок на полу бани.

- Шуз надевайте в сауна, черти! А то будет бобо, как у глупый старый Шорец! – сказал он с акцентом негра из советских кинофильмов.

- Бобо, бобо! – озабоченно загалдели между собой американцы, и пошли обуваться.

Колчевников решил, что пока жар в бане нестерпим, париться пойдут мужики. Мы сбросили с себя всю одежду у входа и шумной толпой завалились в баню. Шорец поплёскивал «заваркой» на каменку, Мишка придирчиво принюхивался и требовал добавить, а мы начали хлестать вениками по спинам американцев, совсем не ожидавших от нас такого обхождения.

- Бобо! Бобо! – завизжали они.

- Теперь быстро выводите их и - паровозиком в реку! – приказал Колчевников и откинул полог.

Мы колонной выскочили наружу и, схватив за руки американцев, с разбегу заволокли их в Катунь! Над рекой разнёсся дружный вопль первобытного восторга единой команды.

Вернувшись в баню, я решил быстренько попариться, но не тут-то было. Стоило Шорцу плеснуть на каменку, как полог распахнулся и в баню завалилась съёмочная группа со всей своей снимающей и звукозаписывающей аппаратурой, с продюсерами, режиссерами, осветителями и ассистентами. А с ними пришли полюбоваться на нас женщины нашей дружной команды.

Меня смутило, что на нас – голых – глазят красивые девчонки, которые сами почему-то купальники не сняли. Прикрываясь веником, я выскользнул наружу и попытался найти в растоптанном песке свои плавки. За этим занятием меня и застала Лена.

- Ты чего здесь копаешься, как кот в песке? – спросила она.

- Плавки ищу.

- Зачем тебе плавки?

- Тебя стесняюсь. А ты почему в баню в купальнике пришла?

- Тебя стеснялась. Ладно, проехали, давай покурим лучше. Красотища-то какая! – сказала она – то ли про меня, то ли про Катунь, и протянула мне сигарету.

- И мне «Camel», please! - попросил Колчевников, тоже во всей красе вывалившийся из бани.

За ним потянулась вереница голых мужиков. Распаренные и счастливые, они стояли у кромки воды, любуясь рекой, горами и облаками в вечернем небе.

- Да, Лена, это, есть не передать! Ну где бы ты в Москве могла такое увидеть? - заявил Миша, попыхивая Кэмелом.

- В Сандунах, - ответила Лена, глядя на голых мужиков, заслонивших от неё реку, и ушла в баню.

На следующий день наша флотилия подошла к порогу Шабаш. Миша посмотрел на полноводную старицу у правого берега, бревно, отброшенное косым валом в скальный карман левого берега, и приказал командам катамаранов больше не тягаться с каякерами, входящими в первую десятку мира, а скромно тащиться за плотом вдоль правого берега. Засим мы и отчалили, а за нами - рафты и катамараны.

Когда плот причалил за второй ступенью, я решил вернуться назад и полюбоваться, как каякеры резвятся на огромных валах. Тут меня и обнаружили Майк и Сьюзен. Майк приветливо помахал мне рукой.

- Майк интересуется, не желаешь ли ты пройти вторую ступень порога на рафте с американцами? – перевела его жест Сьюзен.

- Come together! – выложил я почти весь свой словарный запас английского языка, позаимствованный из песен «Битлз», и, полагая, что иностранные языки мало чем отличаются, добавил на своём школьном немецком: - Варум бы нихт!

Майк всё понял и повёл к полянке в прибрежных зарослях, где на камнях уже сидели Саркисов с вытаращенными глазами, Владимиров, курящий сигарету за сигаретой, Донни Дав - невозмутимый бородатый гид из Калифорнии, Джип с застывшей на лице фальшивой улыбкой и их притихшие подружки.

Джип произнёс политически корректный инструктаж.

- Он спрашивает, не будем ли мы возражать, если он как более знакомый с управлением гребным рафтом будет командовать во время прохождения! – перевёл Игорь.

На этот раз даже Владимиров не усмотрел никакой хитрой подоплёки, и мы с видом членов Совета Безопасности ООН дали своё согласие. Джип удовлетворённо кивнул и продолжил свои дипломатические манёвры.

- Он просит нашего согласия посадить нас за спинами Майка и Донни. Они немного лучше вас понимают по-английски и будут быстрее выполнять команды. А нам остаётся повторять за ними, - изложил Игорь концепцию совместных действий.

Я счёл порядок, предложенный Джипом, наиболее оптимальным для совместной работы разноязычной команды, и солидно

кивнул, а Владимиров буркнул себе под нос, что он и без Джипа знает, куда грести.

Затем американцы поговорили о чём-то между собой и стали прощаться с подружками так, как будто уходили на смертный бой. Лицо у Игоря вытянулось в гримасу ужаса.

- Они говорят друг другу, что если даже мы всё сделаем правильно, рафт всё равно перевернётся! – сообщил он.

Наконец мы расселись по местам. Я попал на левый борт между Майком и Джипом, а на правом – за Донни – примостились Владимиров и Игорь. Призывая духов Силы, Бодрости и Удачи снизойти на нас, мы с боевым воплем ударились вёслами над рафтом и понесли на основную струю.

- Forward! Forward! – кричал Джип.

Мы синхронно гребли, а он подруливал и выводил нас на первую гряду валов в левой половине русла. На скорости рафт вылетел на первую волну. Майк в ритме гребли привстал и вонзил лопасть в падающий сверху гребень, пытаясь зацепиться за прячущуюся под брызгами струю. Нас вынесло на вершину, и мы, не сбиваясь с ритма гребли, покатались вниз навстречу следующей волне.

Так наша дружная команда пробилась сквозь первую цепь волн, и мы могли бы с почётом пройти остаток ступени по быстротоку в левой половине русла. Но Джип развернул рафт направо, на вторую гряду валов.

- Forward! Forward! - опять заорал он.

Наш рафт так же лихо начал пробивать вал за валом, но – то ли сбилось Лёхино пророчество насчёт того, что река перемоет любителей бани, то ли молодой Джип не обладал Колчевниковским чутьём воды и не почувствовал, что расшалившаяся Катунь играет с нами, как кошка с мышкой, готовя напоследок разящий «хук справа».

Мне тоже казалось, что одной команды «forward» маловато для такого порога. Тем более что наш борт явно перегребал, а Джип, видимо, боясь потерять скорость, не подруливал.

- Корму вправо, мать твою! – мысленно командовал я, а сам со всей дури загребал «forward» вслед за подскакивающим на носу Майком.

Раунд уже должен был скоро закончиться, когда за серией привычных прямых волн в наш левый борт сокрушительно ударил косяк вал.

Нокаутированный рафт, пошатываясь, встал на правый борт и рухнул вверх днищем. А мы посыпались из него в воду.

Я падал с опрокидывающегося борта. При перевороте катамаранов таких обычно откидывает в сторону. А мудрость древних туристов гласит: «Не отрывайся от перевёрнутого судна без крайней нужды, - его живучесть всё равно больше»; и моя левая рука, как только поняла, что происходит, начала шарить по борту рафта в поисках леера, за который можно было бы схватиться.

Мы, где только не киявшиеся, такую верёвку всегда привязывали. На рафте тоже были предусмотрены для неё специальные

петли. Но, как позднее выяснилось, у крутых рафтеров привязывать леер примерно то же, что у наших крутых водил пристёгиваться ремнём безопасности. Привязал верёвку - значит ты слабак-неудачник, не веришь в свою удачу молодецкую.

Так что никакого леера я не нащупал, но пока шатающийся на правом борту рафт опрокидывался, вспомнил про стропу, которой были привязаны рюкзаки, и в результате моих судорожных телодвижений оказался под перевёрнутым судном.

Рафт тем временем начал погружаться в пенную яму, и синий водник, которым я не раз пугал девочек у ночного костра, схватил меня за ноги и потащил на дно. Пожертвовав ему американское весло, я двумя руками схватился за стропу и, брыкаясь, попытался освободить ноги, чтобы вцепиться ими в рюкзаки. Сильно напрягало то, что исчез воздушный просвет между водой и палубой рафта; а я не знал - появится ли он когда-нибудь и продержусь ли я до этого с задержанным дыханием.

- Урок закончен! - сказала Катунь.

Сказала она вовсе не на русском. Но я понял её: по затухающим рывкам стропы в моих руках, по проникшему под рафт солнечному свету. И решил - пора на всплытие.

Несмотря на отцепился от стропы, схватился за борт и поднырнул под него. Струя меня тут же оторвала от скользкого рафта и понесла в сторону.

На перевёрнутом судне сидели Джип и Майк. Заметив меня, они стали радостно кричать моё имя и протягивать весло Майка. В него я и вцепился, а затем с помощью Джипа выкарабкался на рафт и попал в объятия американцев.

Оказывается, когда они вылезли на днище перевёрнутого судна, то сразу же сосчитали торчащие из воды головы и не досчитались моей. Всё время, пока я прохладился под рафтом, Джип и Майк искренне скорбели о моей загубленной жизни. А теперь от всей души радовались моему появлению.

- Да ладно, ну чего вы, черти. Оно же не тонет! А мы чем хуже? - растроганно бормотал я.

Каякеры тем временем уже перетаскали наших пловцов на берег и теперь сопровождали рафт, как утята утку. Завидев флагманский плот, Майк начал энергично подгребать к нему. Каякеры каяками подталкивали наше судно к берегу, а Шиндцов с катамарана передал нам мешок со спасательной верёвкой («морковку») и отвёз другой её конец на берег. За него нас и выудили. Так, общими усилиями, мы были спасены.

Через два дня, перед Тельдыкпенями, закончилась катунская часть нашей экспедиции. Далее - на Чулышман - мы отправлялись с небольшой съёмочной группой и американскими речными гидами, а Вилкоккс и остальные американцы возвращались на родину.

Мы торопливо загрузили груз в вертолёт, и пока улетающие прощались с Вилкоксом, я последний раз покурил с Леной. Она должна была сопровождать американцев до Москвы.

- Так и не угостил романтическим ужином, - посетовал я.

- Должен будешь, - ответила Лена.
 - Сиди не сиди, а идти надо. Помашу тебе из иллюминатора.
 - Всю жизнь мечтала! See you later, alligator!
- С тех пор мы не виделись.

Прохождение реки Чулышман принесло Колчевникову медали чемпиона СССР. Мы с Лёхой Бородиным тоже тут хаживали четырьмя годами ранее по большой, как нам тогда показалось, воде. Тот наш в целом успешный поход, если не считать переворотов штурмовых катамаранов в водопаде Чёртов мост и первой ступени Каши, омрачила трагедия, случившаяся у нас на глазах с киевской группой.

Они успешно прошли порог Каша на плоту, а узнав, что мы собрались идти его на катамаране, решили разрешить прохождение и своей «четвёрке». В результате легли и их, и наш катамаран. Только мы все остались живы. А у их парня в пенной яме выдавило подушки из самодельного спасжилета, и он не выплыл. Нашли его за порогом через два месяца – в октябре, когда река совсем обмелела.

- Ну и как тебе водичка? – поинтересовался Миша после сплава от посёлка Язулу до входа в Шавлинское ущелье.

- В 84–м была побольше, - заявил я и жестоко ошибся.

В связи с перестановками в российской части команды вместо убывших Владимиров и Шиндецова меня перевели на катамаран к пополнившему наши ряды Славе Попову. Обычно Слава был напарником Шорца. Кстати, на «двойке» они проходили Чулышман в 1985 году. Но Шорец уже привязался к работающему напарнику Лёхе и не захотел с ним расставаться.

В походе 85-го года Слава и Шорец не перегребли струю на заходе в печально известный порог Ворота, и вода поставила их катамаран на дыбы в заломе между скалами, увешанными табличками с именами водников, погибших в этом месте. Шорец выскочил на скалу и сунул руку Славе.

- Я сам, не маленький, - сказал Слава и, пижонски хлопнув ладошкой ладонь Шорца, ушёл под залом.

Когда он - живее всех живых - всплыл за заломом, Шорец выдал научное объяснение непотопляемости некоторых туристов, литературный вариант которого я, собственно, и цитировал Джипу и Майку на перевёрнутом рафте.

В общем, мы прекрасно представляли себе, что в отличие от добродушной Катунь Чулышман, как убийца-рецидивист, совершенно не ценит человеческие жизни, и при малейшей оплошности с нашей стороны он, не задумываясь, пойдёт на мокрое дело, будь перед ним хоть первый номер в рейтинге каякеров мира, хоть первопроходец Прыжка Тигра на Янцзы.

И, тем не менее, я совершил такую оплошность, неправильно оценив уровень воды. А в терминологии Уголовного кодекса это квалифицируется как «преступная халатность, повлекшая за собой» все последующие события.

Были двадцатые числа июня. Стояла устойчивая солнечная погода. Она провоцировала таяние снегов на ледниках, питающих ис-

токи Катуня. А вытекающий из озера в горной тундре Чулышман ещё не принял свои крупные притоки Шавлу и Чульчу с Шапшальского хребта.

Этим я объяснил бирюзовый цвет воды, отсутствие затопленных кустов на берегах и плывущих по реке деревьев. И пришёл к умозаключению, что расход воды в Шавлинском ущелье ниже, чем был в разгар дождливого лета 1984 года.

Моё заявление привело к тому, что Миша поленился вечером сходить на разведку Мини-Каши - первого порога каскада. Во всех предыдущих походах он предварительно осматривал вход в Ущелье, тратя на это уйму сил и времени, и каждый раз убеждался, что Мини-Каша - бурный, но технически несложный порог, который вполне можно было бы пройти с наплыва - по струе. Что он и решил сделать в этот раз.

На следующее утро эскадра приготовилась к штурму Шавлинского ущелья. Согласно плану в первом броске - за Мини-Кашу - участвовали два каякера, плот и катамаран Лёхи и Шорца. Они должны были с наплыва выбрать плацдарм для причаливания, высадиться там и по радиации пригласить вторую штурмовую группу, состоящую из двух каякеров и двух распашных рафтов, управляемых Донни и Дэном.

В третий эшелон вошли юный каякер Джоди, наша «двойка», гребной рафт, на котором сидели Джип, Глена, Майк, подружка Майка, Саркисов и московская переводчица.

Картину дополнял экипаж «четвёрки», состоящий из молодёжи моей группы во главе с Андреем Сигарёвым, которые будто бы случайно именно в это время приехали проходить Чулышман. А еще свалившаяся как снег на головы, съёмочная группа телевизионщиков из «Клуба путешественников» на плоту известного московского плотогона Чернышова вместе с его знаменитой собакой по кличке Аргут.

Появление последних очень не понравилось нашим телевизионщикам, особенно оставшемуся за старшего режиссеру Дану Домини. Они с Сьюзен мрачно сидели на рафте Дэна, всем своим видом показывая, что не желают вступать в контакт со своими московскими коллегами. Обрадовало их только полученное Джипом сообщение, что первая штурмовая группа причалила в ущелье, и пришло время отчаливать. Знали бы Дан и Сьюзен, что их там ждёт!

Не представляю, кто и что именно передал тогда Джипу по радиации. Лёха рассказал мне, что первой же волной их так садануло, что Шорец вылетел за борт. Спасло то, что они, руководствуясь мудростью древних туристов, заходили на порог, прижимаясь перед левым поворотом к короткому берегу. Поэтому Лёхе одному удалось загнать катамаран в прибрежное улово.

Другая мудрость гласит: «Переворачиваться лучше рядом с берегом». Они мудро проскреблись по камням вдоль берега и, только увидев на другом берегу плот, решились прострелить струю.

Я всё пыжился подогнать под себя лямки упоров под коленную посадку, когда обратил внимание, что собравшиеся у гребного раф-

та притихли вокруг Джипа, слушающего рацию.

- Что, эскадрон, по коням? – спросил я.

- Да тихо ты! – зашипел на меня Игорь. – Дэн перевернулся и ушёл в ущелье.

Алтаец Аким рассказал мне на следующий день, что он увидел, когда пас скот на крутом косогоре. По его словам, река просто запынала две «резиновые» и две «пластмассовые» лодки. Все перевернулись, кроме одной – «резиновой» (рафт Донни). «Пластмассовые» лодки привели Акима в состояние сильного «охренения» тем, что «опять перевернулись – людьми вверх». В общем – «полный капец, однако»!

У одного из перевернувшихся каякеров, Эрала, струя сорвала «юбку» - неопреновую одежку, которую натягивают на кокпит, чтобы вода не наливалась в каяк. Поэтому Сьюзен спасал более удачливый каякер Том. Она схватилась за петлю на хвосте его каяка как раз перед здоровенной пенной ямой. Том, понимая, что может опять перевернуться с такой «гирькой», попросил Сьюзен отцепиться, клятвенно обещая снова поймать её за ямой. Но та наотрез отказалась. К счастью, Том устоял.

Дана Домини доставил на берег кто-то из каякеров первой штурмовой группы. Когда-то они вместе сплавились по Янцзы. Жаль, что не удалось узнать их сравнительных впечатлений от нашей отморозенной шестёрки. Но после крещения в чульшманской купели Дан выглядел просветлённым. Его радовали и деревья, и травка, и лошадки, и алтайцы, и московские телевизионщики. Он радовался всему, кроме реки!

А Дэн верхом на перевёрнутом рафте проскакал галопом мимо «морковки», которую не добросили до него с плота. Колчевников сунул Шорцу рацию и приказал:

- Догнать!

Шорец сунул рацию за пазуху, и они таким же галопом поскакали по волнам. Но теперь уже Лёха выпал за борт. Не успел он толком вылезти на своё место, как за борт выпал Шорец и потерял весло. Катамаран застрял на обливном камне. Друзья поняли – это последнее предупреждение.

С камня Лёха перескочил на мель у берега и за чалку выдернул туда катамаран с Шорцем. Дальнейшую погоню они продолжили по берегу. Их репортаж по рации напряженно слушали наши переводчики, Джим и остальные собравшиеся у гребного рафта.

Леху поразило, что бросившиеся за рафтом каякеры знают премудрости наших древних туристов. Не кичась опытом прохождения сложнейших порогов Америки, Африки, Азии они скреблись по камням вдоль бережка, изредка простреливая реку там, где было поменьше пенных ям и жёстких валов. Лёха даже проникся патриотической гордостью, что наш убивчик отнюдь не последняя шестёрка в мире.

Нам просто повезло, что в эту преисподнюю попал Дэн Грант, а никто другой. Этот младший из детей капитана Гранта, как мы за глаза звали его и Майка, отличался на воде весёлой удалью молод-

ца, которого ещё ни разу жареный петух не клевал в задницу. Другой бы на его месте помер от страха раньше, чем утонул.

Так он промчался километра три, пока его рафт чуть опять не перевернулся в огромном пенном котле. Пока судно бултыхалось в турбулентном вихре, Дэн рассмотрел, что его ждёт, когда застрявший рафт понесёт дальше. Там поток устремлялся вверх, переваливая через огромную скалу, прозванную Слоном.

Дэн решил, что на сегодня с него хватит, и прыгнул с рафта к ближайшему берегу, на который и выплыл в отчаянном рывке. По случаю это оказался правый берег. На нём находились все мы. В конце концов, пробираясь назад, он встретил каякеров, а затем и гнавшихся за ним Лёху и Шорца. А рафт ещё немного побултыхался и нырнул в пенный котёл. Затем всплыл на стремнине, перемахнул через Слона и был таков вместе с паспортами, деньгами и запасами теплёлнки американцев.

Когда Шорец передал в эфир, что видит Дэна и каякеров на берегу, Джип задумчиво посмотрел на своё притихшее войско. От его решения зависела наша участь. Не повезло только Дэну. Может, надо посмотреть пороги, поставить страховку и продолжить штурм. Или признать, что мы не готовы к такой реке и зря сюда приперлись.

Например, Чернышов после разведки решил, что для его плота Мини-Каша вполне проходима. Поставил страховку в виде телеоператора с телекамерой и успешно сплавился к нашему плацдарму в Ущелье вместе с собакой, «киданувшей в штаны» со страху. Так что Джип должен был принять отнюдь не простое решение.

- Пока не будет найден рафт Дэна, мы остаёмся здесь. Нам надо организовать поиски. Нужно вызвать вертолёт. Что делать потом, будем решать вместе с Мишей, - сказал он.

- Вот такие и становятся президентами США, - подумал я.

Затем Джип через Саркисова долго совещался с Колчевниковым по радию. В результате за Славой прискакал алтаец Аким на лошади, и он отправился в Язулу вызывать вертолёт.

Слава был известен своей пробивной силой. В частности, и в нашу экспедицию он прибыл на вертолёте. Выдавая себя за известного борца за мир, Слава убедил вертолётчиков, что доставка его персоны необходима для разрядки международной напряженности. Рейс обошёлся в кругленькую сумму. Но теперь его способности оказались гораздо ценнее.

На следующее утро на поиски рафта в Шавлинское ущелье ушли каякеры. Кроме Тома и Эрала, как бы продолжавших спасработы доверенного им судна, в рискованное предприятие отправились и каякеры из первого эшелона.

...Я не могу вспомнить имен этой пары каякеров. Они всегда держались особняком. Но именно они с прикрученными к шлемам телекамерами первыми ушли во все пороги, снимали и страховали нас. Тем не менее мне казалось, что их отделяет стена отчуждения от нашей постепенно сдружившейся Dream Team.

- А тебе не кажется, что они голубые? – спросил Костя, когда я

поинтересовался его мнением об этой паре.

- Не может такого быть! Они же каякеры! Хотя - варум бы и нихт!
- озадаченно ответил я...

Потом прилетел вертолёт, ловко забрал с крутого склона Дэна с телеоператором и улетел в погоню за рафтом. Каякеры тем временем доложили по рации, что Шавлинское ущелье в такую воду непроходимо для рафтов. Они сами почти всё время скребутся вдоль берегов и постоянно просматривают реку с берега. В итоге каскад был пройден ими с обносом порогов Кульминация и Пустячок.

Потом с вертолёта доложили, что обнаружили рафт, застрявший на камнях вблизи кордона Чодро. Затем вертолёт вернулся с каякерами и останками рафта.

Всё свободное время мы с Шорцем отирались в лагере Сигарёва. Колчевников как член МКК попросил его не сплавляться по Чулышману, и Андрей поставил «сарай-палатку» своей команды рядом с верхней тропой, в сотне метров от бивака нашей экспедиции. В его маленькой группе был хакас Шура Доможаков. Вместе они вели нелёгкие переговоры с Акимом об обвозе груза на лошадях за ущелье.

Все предыдущие дни алтайцы, считая хакаса Шуру своим среди чужих, по-родственному просили его «плеснуть маленько». А он уверял их, что в связи с перестройкой и кампанией по борьбе с алкоголизмом у туристов не может быть спирта. Но вот теперь уже он предлагал им спирт, а они ломались. Мол, «перестройка – сено косить надо, однако».

В отличие от нашей поиздержавшейся экспедиции спирт и водка в группе Сигарёва были. Согласно заведенной традиции распивались они после вечерней молитвы небольшими дозами, которые назывались «наркомовские девять граммов сердцу». Причём Андрей твёрдо отверг предложение Шорца сделать «шорский коктейль», назвав это «переведением добра».

К наркомовским запасливым завхоз Лариса нарезала сало. В нашу экспедицию его вообще не брали, так как Джип посчитал этот продукт крайне вредным для организма. Однако пришедшие с нами Сьюзен и Джоди видели сало впервые и с удовольствием закусили предложенными бутербродами.

Джоди, к удивлению группы Сигарёва, только вежливо пригубил, и мне пришлось объяснять, что каякеры не пьют водку даже под сало. Тогда никогда прежде не видевший каякеров, но тоже не любивший водку Алексей Хоменко достал из своего рюкзака сюрприз, поразивший абсолютно всех. Это были несколько бутылок пива и солёная горбуша. Как надо любить друзей, чтобы приносить им подарки в такую даль!

Джоди с наслаждением выпил кружку барнаульского пива и рассказал нам, что живёт он в Санта-Барбаре (бесконечный одноименный сериал уже шел тогда на советском телевидении), любит участвовать в соревнованиях по водному родео.

Каякеры находят на реке пенную яму с подходящим турбулентным вихрем и по очереди бултыхаются в ней, соревнуясь в заранее придуманных трюках. Джоди вспомнил, как на прошлогоднем ро-

део достал из-под «юбки» банку пива и распивал его. При этом он одной рукой держал банку, а другой вертел весло над головой.

Но первое место занял каякер, который перевернулся, достал из каяка купленного в магазине лосося, сунул его себе в зубы и сделал эскимосский переворот. Получилось, будто он поймал зубами рыбу, пока висел под водой вниз головой.

Именно Джоди дал мне опробовать свой каяк в устье Аргута. А сам в другом каяке водил меня между стволами затопленных деревьев. Я постоянно переворачивался, вываливался из кокпита, выливал воду из каяка и опять гнался за Джоди. А он оглядывался и весело подбадривал меня:

- Very good, Володя! You are best!

Мне даже стало казаться, что он и вправду не встречал такого способного ученика. А теперь я слушал его и думал:

- Как же поздно мы открыли мир каякеров. В каком же возрасте они садятся в каяки, чтобы к двадцати годам делать эскимосский переворот в турбулентном вихре, да ещё с рыбой в зубах? В этой жизни такого уже не отчебучишь.

На следующее утро группа Сигарёва ушла в свой беспрецедентный конно-водный поход по Чулышману. Они обнесли пороги Каша, Ворота, Туданский. Но и того, что им довелось пройти, хватило по самое не могу.

Такого Чулышмана до них, похоже, не видел ни один водник. За его поворотами часто оказывались не упомянутые ни в каких описаниях пороги с океанскими волнами, в брызгах которых сияли радуги. И экипаж катамарана пронёсился под ними с молитвами вместо бесполезных команд.

А наша экспедиция и москвичи эвакуировались на вертолёт в устье реки Чульча. Колчевников организовал экскурсию к знаменитому водопаду. Затем каякеры прошли последние два - три километра Чульчинских порогов. Шорцу с Лёхой на катамаране пришлось составить компанию американцам, чтобы разделить славу первопроходцев. Хотя славы им уже совсем не хотелось. Давала о себе знать очередная мудрость древних туристов: «К концу третьей недели любой поход осточертеет».

Так что последний переход - до Телецкого озера - и посадка на теплоход прошли как-то эмоционально вяло. К тому же начались дожди, да и продукты катастрофически иссякли. Благо отчаливший теплоход в последний момент догнал катамаран Сигарёва. Команду и судно прямо из озера вытащили на палубу. Благодарный экипаж угощал всех желающих остатками водки и сухарями. Американцы с аппетитом уплетали сухари и радовались, что кондовой русской группе удалось по воде догнать и вертолёт, и теплоход.

Как-то так без торжественных речей в горах Алтая русские и американские народные дипломаты победоносно закончили холодную войну. На следующий год пала Берлинская стена, и на несколько лет наступил мир во всём мире. Потом кадровые дипломаты опомнились, отогнали от политики дилетантов вроде Джипа Элисона и Михаила Колчевникова, а затем постепенно вернули

международным отношениям привычный вид.

На телеэкранах США с успехом прошёл фильм Джона Вилкокса «Rafting into Siberia». Его увидело 55 миллионов американцев, и он был удостоен национальной премии «Эмми» как лучший приключенческий фильм.

Мы всё-таки сплавились одной командой по Чулышману. В 1989 году Дэн и Том прибыли с коммерческой группой, чтобы пройти пороги, не пройденные нашей телеэкспедицией. Компанию им составили гиды турфирмы «Алтур»: Костя, Лёха, Михон, Сигарёв, Шорец и я. А наш директор М.Ю. Колчевников в это время сплавлялся с Джилом по Гранд-каньону реки Колорадо. Чулышман позволил нам пройти всё, хотя опять пытался утащить рафт с паспортами, деньгами и гидом Эрикой под тот же залом в пороге Ворота, который пронырнул когда-то Слава Попов. Но Эрику вовремя выдернули «морковкой», а рафт – полиспастом. Однако это уже другая история.

Эпилог. Costa-Rica – Pura Vida!

*Не плачь, потому что это закончилось.
Улыбнись, потому что это было!
Мудрость древних туристов.*

Солнечным августовским утром 1991 года команда «Алтур» шла за своим директором М.Ю. Колчевниковым по центральной улице Сан-Хосе – столицы Республики Коста-Рика. Мы приехали сюда для участия в Tropical Rainforest Festival - III Международных соревнованиях водников, возникших по образу и подобию «Чуя-Ралли».

- Costa-Rica – Pura Vida! – кричали мы улыбающимся нам крепкам, что в Мишкином переводе с испанского означало – «Коста-Рика – защибись!»

И это была сушая правда! Мы были счастливы. Мы достигли всего, о чём даже не мечтали в начале своих судьбоносных коловращений. И всё это случилось благодаря нашему Юрьевичу, сумевшему использовать удачное стечение обстоятельств не только с пользой для себя, но и во благо тех, кто был вокруг да около.

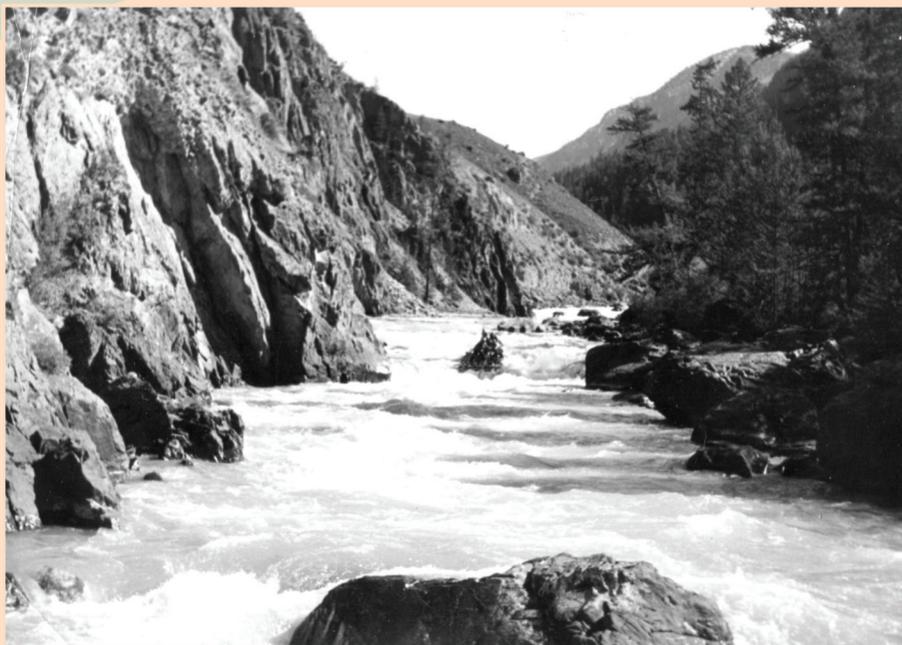
Часть нашей команды во главе со Светой Колчевниковой осталась в первом попавшемся магазине, чтобы попытаться поменять наборы матрёшек и советских значков на джинсы. Позднее именно эти, оставшие, занялись бизнесом.

А вечный работяга Лёха, бывший учитель Шорец и я тащились за Колчевниковым и умоляли его купить нам по банану.

- Ну погодите вы, черти. Надо где-то доллары поменять. Тогда позавтракаем по-человечески. Это же Коста-Рика! Здесь же кофе – самый что ни на есть Pura Vida в мире! – отвечал он.

- Да ты и тут – краевед! Ну не жмоться, купи нам по банану! Хоть попробовать, какие они на вкус! – не унимались мы.

Откуда нам было знать, что через месяц мы вернёмся в страну, где вскоре бананов будет в сотни раз больше, чем во всей Коста-Рике. Но это будет уже совсем другая страна.

Река Катунь

Вход...

...и ВЫХОД

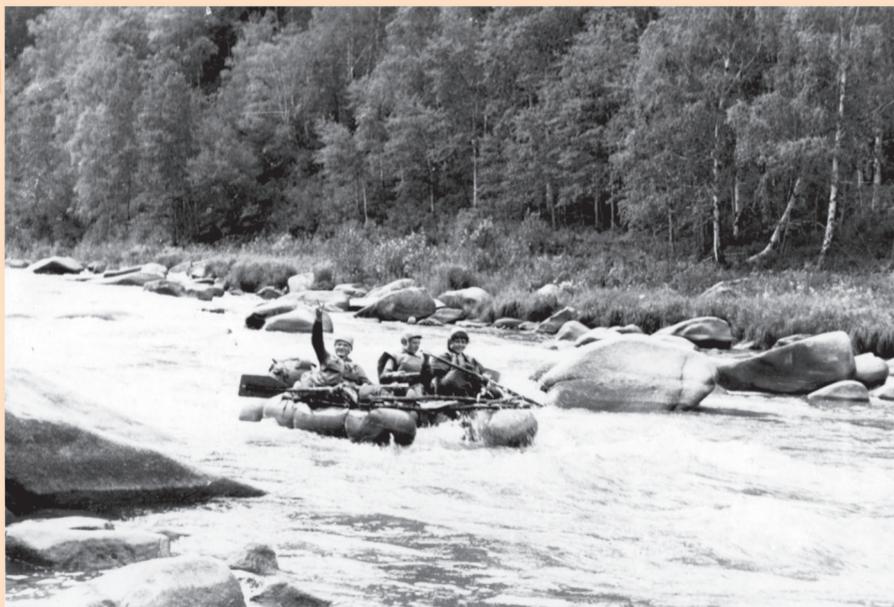
Первые сибирские катамараны

Иногда их делали из гондол для плота

Ущелье, сложное для надежной страховки. Мудрые сплавщики такие ущелья обносили.

В1978 году М.Ю. Колчевников предложил плотогонам использовать катамараны для сплава по мелким верховьям горных рек и страховки с воды ниже сложных порогов.

Но в верховья катамараны часто проходили сложные пороги.

Там переворачивались. А вот древние плоты.

Плотогонам Боцману (1-й слева), Ю. Орлову (2-й слева), М. Колчевникову (3-й слева) и С. Потанину (4-й слева) это не нравилось.

Света Колчевникова (в центре) готовила молодежь и говорила:
"Посмотрите на моих пацанов."

Пока вы собираете своих "ихтиозавров", они проходят пороги".

Старики стали задумываться - а может, и правда катамараны лучше, чем плоты?

Но в сложных порогах предпочитали плоты, а молодежь - катамараны.

И лишь тогда, когда стариковская лень пересиливала разумный страх, они строили "честер" - то ли плот без гребей, то ли катамаран, смещающийся поперек реки. Из этого гибрида кемеровчане сделали "бублик" - судно, которое, как ванька-встанька, переворачивается палубой вверх, дном вниз.

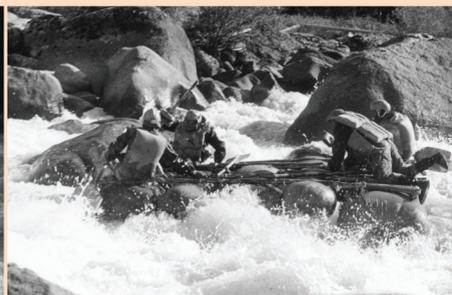
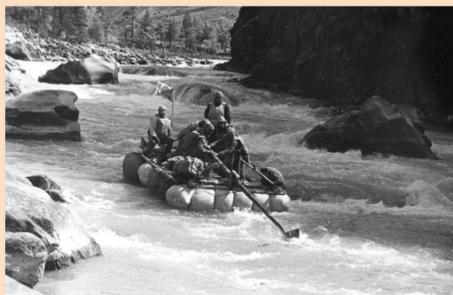

В свое первопрохождение реки Акалахи команда Колчевникова так и отправилась - кто на "честере", кто на катамаране.

А старые добрые плоты на автомобильных камерах постепенно уходили в прошлое.

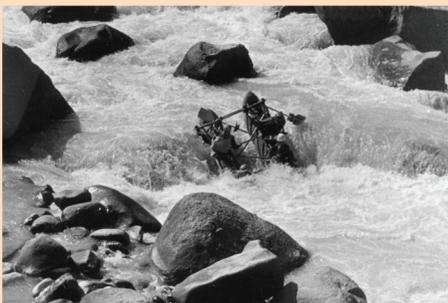
В 80-е годы на реках господствовали плоты на продольных гондолах и катамараны.

На них сурово взирали организаторы Чуйского ралли, вынужденные вводить в программу соревнований новые виды сплавсредств.

Света Колчевникова (4-я слева в верхнем ряду) была генеральным секретарем этих соревнований.

Пока ее воспитанник штурмовали пороги, она была надежным тылом своего мужа (3-я слева в верхнем ряду, за спиной М. Колчевникова).

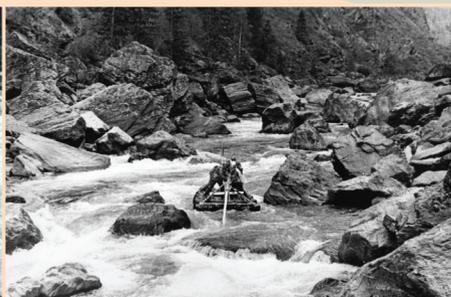
В честь Колчевниковой первопроходцы назвали порог на реке Акалах Светланой.

Вот так они и жили...

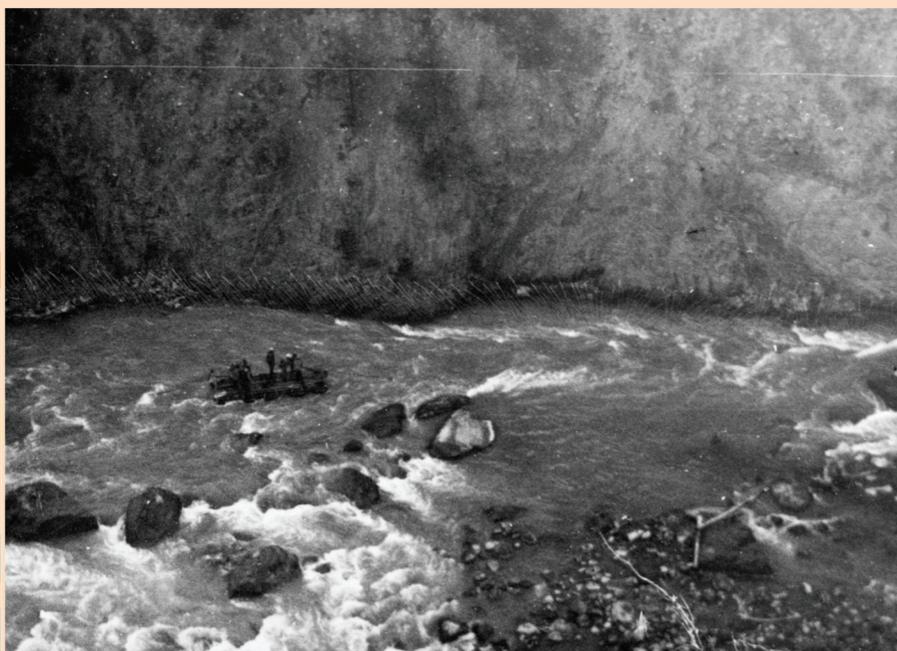
...и сплавлялись.

Они полагали, что жить и сплавлиаться - это одно и то же...

...и не понимали, чем друзья по жизни отличаются от друзей по походам.

“Нас было много на Челне...”

А.С. Пушкин

Содержание

Вместо предисловия	4
Пролог	6
Планета обезьян	
Глава 1.	8
Далекая прародина	
Глава 2.	29
Записки пятнадцатилетнего юнги Кости Кречетова (Барнаул, 1976-79 гг.)	
Глава 3.	36
Тропинка в лесу	
Глава 4.	42
Город вечного праздника	
Глава 5.	58
Люди в одной лодке	
Эпилог	81
Costa-Rica – Pura Vida!	

Бартенев Владимир Павлович

**Сказание о Михаиле Юрьевиче
и о тех, кто был вокруг да около**

Дизайн, верстка, подготовка к печати фото Е. Смылина
Подбор фото: С. Колчевникова, В. Бартенев, О. и М. Нищенко

Корректор Вера Дитятева

Подписано в печать 01.12.2011.
Формат 60 x 84/16. Тираж 100 экз. Заказ № 25

Отпечатано в ООО «Пять плюс»,
г. Барнаул, пр. Красноармейский, 73,
тел.: (385-2) 62-85-57, 62-32-07
e-mail: fiveplus07@mail.ru
www: five-plus.ru